

МИМОХОДОМЪ.

Моя губернаторская эпопея.

(продолженіе)¹⁾.

„Лѣсъ рубить—щепки
летять“.

Въ моей служебной дѣятельности (болѣе 50 лѣтъ) было одно обстоятельство, которое совершенно съ моей стороны безвинно отразилось крайне тяжело на мнѣ и моемъ семействѣ. Хотя тк. обр. это обстоятельство касалось лично меня, но оно представляетъ и общій интересъ, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, которое будетъ, быть можетъ, не бесполезно для характеристики начала 80-хъ годовъ.

Уже 4 года я состоялъ Управляющимъ Омскою контрольною палатою, когда въ концѣ 1875 г. послѣдовало назначеніе новаго генераль-губернатора Западной Сибири генераль-адъютанта Казнакова, бывш. кіевскаго губернатора, профессора академіи генеральнаго штаба и преподавателя военныхъ наукъ покойному императору Александру III и вел. князю Владиміру Александровичу. Назначеніе это вызвало большую тревогу во всѣхъ военныхъ и гражданскихъ учрежденіяхъ гор. Омска, подчиненныхъ генераль-губернатору и командующему войсками округа, такъ какъ изъ Петербурга о генералѣ Казнаковѣ получены были вполне опредѣленные свѣдѣнія, какъ объ опытномъ администраторѣ, человѣкѣ твердаго, рѣшительнаго характера и замѣчательно трудолюбивомъ. Всѣ ясно сознавали, что съ порядками, существовавшими при прежнемъ генераль-губернаторѣ, благодушномъ и лично безукоризненно-честномъ А. П. Хрущовѣ, не только нужно будетъ разстаться, но придется, пожалуй, кой за что и поплатиться. Одни только чины контрольной палаты, какъ учрежденія, не подчиненнаго генераль-губернатору, оставались покойны, а я лично, конечно, былъ озабоченъ тѣмъ, будетъ ли новый начальникъ края относиться къ представленіямъ мѣстнаго кон-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль—іюнь 1917 г.

троля благожелательно, или же по примѣру своихъ предшественниковъ будетъ мирволить и во что бы то ни стало защищать подчиненныя учрежденія. Во всякомъ случаѣ я рѣшилъ быть осторожнымъ и держаться какъ можно дальше отъ административнаго міра и его новаго представителя.

Но вышло совсѣмъ иначе. Уже на первомъ представленіи, когда всѣ гражданскія учрежденія собрались въ генераль-губернаторскомъ домѣ, всѣми было замѣчено, что только ко мнѣ одному Кознаковъ обратился съ привѣтствіемъ: „радъ познакомиться съ Вами“, а затѣмъ задалъ очень щекотливый вопросъ о томъ, правильно ли учрежденія ведутъ казенное хозяйство и распоряжаются казенными деньгами? Я отвѣтилъ, что въ общемъ казенное хозяйство велось правильно, но конечно бывали отступленія отъ существующихъ правилъ, которыя однако же, благодаря благосклонному отношенію бывшаго начальника края, генер.-ад. Хрущова, къ контрольной палатѣ, всегда немедленно устранялись.

Но на этомъ генераль Кознаковъ не остановился. Вскорѣ и сталъ получать отъ него приглашенія на завтраки и обѣды, послѣ которыхъ мы уединялись въ кабинетъ и подолгу обсуждали разныя дѣла, связанныя съ казеннымъ интересомъ, напр. о передвиженіи военныхъ командъ пѣшимъ порядкомъ отъ Омска до Томска, на протяженіи болѣе 900 верстъ, или на пароходахъ по р.р. Иртышу, Оби и Томи, о томъ, гдѣ быть Сибирскому университету—въ Омскѣ или Томскѣ, о заготовкѣ для войскъ полушубковъ въ Шатровской волости Курганскаго уѣзда и проч. Къ этимъ интересамъ Кознаковъ относился въ высшей степени осторожно и каждое дѣло изучалъ всесторонне, чтобы не ввести казну въ убытокъ.

Я съ удовольствіемъ долженъ сказать, что взгляды его по казенно-хозяйственнымъ дѣламъ вообще совпадали съ желаніями и требованіями государственнаго контроля, за исключеніемъ одного крайне серьезнаго вопроса, о которомъ будетъ сказано ниже.

Черезъ 2 года нашей совмѣстной службы Кознаковъ обратился ко мнѣ съ просьбой дать ему изъ состава контрольной палаты двухъ чиновниковъ: одного для занятія должности предсѣдателя Тобольскаго губернскаго суда, а другого для завѣдыванія бухгалтеріей главнаго управленія Западной Сибири и всѣми хозяйственными операціями этого учрежденія. Я предложилъ старш. ревизора, кандидата правъ Казанскаго университета Дорофеева, и старшаго же ревизора Крымскаго,

который, хотя и не получилъ высшаго образованія, но обладалъ большимъ опытомъ, знаніемъ и пониманіемъ законовъ и былъ безукоризненной нравственности. Особенно благодаренъ былъ мнѣ Кознаковъ за Крымскаго, который въ теченіе года съ небольшимъ успѣлъ привести хозяйство управленія въ полный порядокъ, уплативъ поставщикамъ и магазинамъ болѣе или менѣе значительные старые долги за канцелярскія принадлежности, дрова и проч. и приобрѣтая всѣ необходимые матеріалы на наличныя деньги.

Вопросъ, по которому я разошелся во мнѣніи съ генералъ-губернаторомъ, заключался въ предположеніи его ввести въ Западной Сибири вольную почту по главному тракту на протяженіи болѣе 2.000 верстъ. Въ одно изъ нашихъ свиданій на раутѣ у губернатора Цытовича, Кознаковъ завелъ разговоръ объ этомъ предположеніи, предусматривая блестящія перспективы, когда оно осуществится. Онъ говорилъ, что при введеніи вольной почты казна будетъ имѣть сбереженіе въ своихъ расходахъ по этой части не менѣе 200 тыс. руб., которые онъ будетъ настоятельно просить на университетъ, среднія и низшія школы, что самое передчиженіе почтъ и эстафетъ ускорится значительно, а объ удобствахъ проѣзжающихъ и говорить нечего: прежде всего въ лошадяхъ никогда недостатка не будетъ и проѣзжающимъ не придется сидѣть по нѣсколько часовъ на станціяхъ, какъ нынѣ, въ ожиданіи, когда-то придутъ обратныя лошади и когда-то ихъ выкормятъ; затѣмъ вмѣсто нынѣшнихъ станціонныхъ избъ (такъ назыв., пятистѣнныхъ) будутъ построены солидные домики, комнаты въ 5—4, наконецъ чрезъ каждую станцію пассажиры найдутъ буфеты съ холодной и горячей пищей. А при сибирскихъ морозахъ и непогодахъ для путешественниковъ это будетъ огромнымъ благодѣяніемъ. Въ заключеніе онъ просилъ меня сказать мое „откровенное“ мнѣніе. Я отвѣчалъ, что и лицевая сторона медали не совсѣмъ такова, какъ онъ ее нарисовалъ, именно въ отношеніи экономіи, которую будто-бы получить казна, что весьма сомнительно, скорѣе нужно ожидать новыхъ и значительныхъ жертвъ казны, что же касается удобствъ для путешественниковъ, то сомнѣнія нѣтъ—они весьма важны. Но въ этой медали есть и обратная сторона—интересы крестьянъ, которые и будутъ принесены въ жертву одному или двумъ предпринимателямъ; они несомнѣнно обогатятся, а крестьяне попадутъ къ нимъ въ тяжелую кабалу, какъ это случилось на пермско-вятскомъ

трактъ вольной почты, эксплуатированной Михайловымъ, и то же готовилось Восточной Сибири заманчивыми предложениями каискаго купца Тимоф. Вас. Савенкова, однако же скоро понятыми генераль-губернаторомъ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ и рѣшительно имъ отклоненными. Дальнѣйшей бесѣдѣ нашей помѣшалъ кто-то изъ гостей, и Казнаковъ наскоро мнѣ сказалъ, что онъ передъ отъѣздомъ въ Сибирь обѣщалъ барону Веліо (впоследствии главноупр. почтъ и телегр.) непременно возбудить вопросъ о вольной почтѣ и долженъ былъ это сдѣлать, что уже и сдѣлалъ. На это я успѣлъ ему сказать, что всѣми зависящими отъ меня средствами постараюсь противодействовать осуществленію этого проекта.

Послѣ этого разговора и въ виду того, что проектъ о вольной почтѣ былъ отосланъ уже въ министерство, я ускорилъ окончательную разработку заблаговременно собраннаго обширнаго матеріала по этому дѣлу и составленіе объяснительной къ нему записки.

Въ февралѣ 1877 г., испросивъ разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ для представленія личныхъ объясненій по „чрезвычайно важному для Сибири государственному вопросу“, и немедленно по прибытіи въ Петербургъ явился къ бывш. тогда товарищу государств. контролера М. Н. Островскому, который встрѣтилъ меня довольно таки недовѣрчиво: „ну, какой такой у васъ чрезвычайной важности государственный вопросъ?“ Но я не смутился такимъ пріемомъ и попросилъ позволенія вкратцѣ объяснить, что такое вольная почта, которую генераль-губернаторъ желаетъ ввести въ Запад. Сибири. Островскій пожелалъ меня выслушать, но предупредилъ, что у него свободна только четверть часа, такъ какъ ему нужно торопиться въ Государств. Совѣтъ. Мой докладъ тянулся однако же болѣе получаса, и несмотря на это Островскій не только не торопилъ меня, но, видимо заинтересовавшись предметомъ, задалъ нѣсколько вопросовъ для болѣе точнаго разъясненія того или иного обстоятельства.

Когда кончился мой докладъ, Островскій сказалъ, что это дѣйствительно очень серьезное дѣло, что вѣроятно у меня приготовлена подробная записка, которую я долженъ завтра представить государств. контролеру, „только обратите вниманіе, куда онъ положить ее и чѣмъ прикроетъ“. Замѣтивъ, вѣроятно, на моемъ лицѣ нѣкоторое удивленіе, онъ прибавилъ, что „Самуилъ Алексѣевичъ“ (Грейгъ), необычайно разсѣянный

человѣкъ и „очень нерѣдко положить какую-либо спѣшную бумагу на свой громадный письменный столъ, заваленный книгами, брошюрами, пакетами съ докладами, записками Госуд. Совѣта, да потомъ и самъ не можетъ найти и чиновники дня по 2 по 3 ищутъ, пока откопаютъ въ какой-нибудь синей папкѣ или между записками Гос. Совѣта. Да еще: постарайтесь докладъ Вашъ сократить до мѣнѣйшаго, такъ какъ завтра будетъ не мало представляющихся“.

Дня черезъ 3 послѣ представленія госуд. контролеру я былъ вызванъ въ Контроль директоромъ канцеляріи Мицкевичемъ, который объявилъ, что С. А. Грейгъ остался очень доволенъ моею запиской и предполагая представить меня къ наградѣ, поручилъ ему узнать, что было бы мнѣ пріятнѣе получить—чинъ статскаго совѣтника или орд. Владиміра 3 ст. Я отвѣтилъ, конечно, благодарностью за вниманіе и заявилъ, что чинъ стат. сов. я получу чрезъ годъ за выслугу лѣтъ и потому конечно предпочитаю орденъ.

О дальнѣйшей судьбѣ моей записки изъ Госуд. Контроля и свѣдѣній не получалъ; но самъ генераль Казнаковъ мнѣ сообщилъ, что проектъ его о вольной почтѣ въ Госуд. Совѣтѣ провалился, встрѣтивъ сильныя возраженія товарища госуд. контролера Островскаго, снабженный массой цифровыхъ данныхъ, относительно которыхъ министръ внутреннихъ дѣлъ, защищавшій проектъ, не могъ представить никакихъ объясненій. „Конечно, прибавилъ Казнаковъ, вольная почта, въ томъ основательномъ освѣщеніи, какое дано ей Контролемъ, не можетъ быть признана учрежденіемъ полезнымъ для края, скорѣе—наоборотъ, и я думаю, что это предпріятіе придется оставить.“

Несмотря на то, что Казнакову было хорошо извѣстно мое непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ, онъ нисколько не измѣнился въ отношеніи ко мнѣ и по прежнему былъ любезенъ и внимателенъ. Тѣмъ не менѣе я не могъ отдѣлаться отъ подозрѣнія, что Казнаковъ питаетъ ко мнѣ не-удовольствіе и только искусно скрываетъ его. Подозрѣніе это однако же оказалось несправедливымъ.

Мѣсяца чрезъ два послѣ описаннаго сообщенія Казнаковъ пригласилъ меня къ себѣ и, безъ всякаго предварительнаго объясненія, предложилъ принять должность томскаго губернатора. Неожиданность предложенія смутила меня, и я подумалъ, что томскій губернаторъ Супруненко, вѣроятно, скоро-

постижно умеръ. Но Казнаковъ на высказанное мною предположеніе отвѣтилъ, что С. живъ и здоровъ, но управлять Томскою губерніей не можетъ. Я понялъ значеніе этого отвѣта, такъ какъ зналъ, что Супруненко, при всѣхъ его безукоризненныхъ служебныхъ и нравственныхъ достоинствахъ, былъ довольно слабаго характера и не обладалъ тѣмъ, что называется инициативой, оттого и все управленіе губерніей шло рутинно по бывшимъ примѣрамъ и по внушеніямъ мѣстнаго тріумвирата, о которомъ будетъ рѣчь впереди. Конечно, я не высказалъ Казнакову этихъ мелькнувшихъ въ головѣ соображеній, а заявилъ, что затрудняюсь принять его предложеніе потому, съ одной стороны, что я, чиновникъ Госуд. Контроля, совершенно неизвѣстенъ министру внутреннихъ дѣлъ, никто тамъ меня не знаетъ и я никого не знаю, а съ другой—принявъ предложеніе, я перебилъ бы дорогу тѣмъ, которые представляются прямыми кандидатами на губернаторское мѣсто, и при этомъ я назвалъ двухъ вице-губернаторовъ и трехъ членовъ совѣта главнаго управленія. На это Казнаковъ возразилъ, что онъ беретъ на себя обязанность ознакомить министра внутреннихъ дѣлъ (въ то время—Л. С. Макова) во всей полнотѣ съ моею личностью; относительно же указанныхъ мною кандидатовъ Казнаковъ рѣшительно забраковалъ четырехъ, изъ коихъ двое, хотя и очень способные люди, но предаются, какъ это всѣмъ извѣстно, нѣкоторымъ излишествамъ, что не можетъ, конечно, внушать къ нимъ ни уваженія, ни довѣрія; двое же другихъ, правда, честные и способные чиновники, но совершенно замкнутые кабинетные дѣятели, мрачные мизантропы, на все смотрятъ съ точки зрѣнія Уложенія о наказаніяхъ и готовы чуть не всѣхъ посадить на скамью подсудимыхъ. Нѣтъ, такіе не могутъ быть губернаторами. Губернаторъ долженъ быть доступенъ и доброжелателенъ и долженъ памятовать, что не общество для него, а онъ—для общества. Наконецъ о пятомъ кандидатѣ Ев. А. Заборовскомъ Казнаковъ выразился, какъ о знатокѣ крестьянскихъ дѣлъ, и отпустить его отъ себя онъ не можетъ.

Въ заключеніе онъ сказалъ, что въ Томскѣ въ скоромъ времени должно совершиться въ высшей степени важное историческое событіе—постройка зданія Сибирскаго университета, котораго Сибирь страстно желала болѣе 50 лѣтъ, при чемъ очень многіе города, правительственныя и общественныя учрежденія и многія частныя лица жертвовали и жертвуютъ

значительныя денежныя суммы, разныя коллекціи, цѣнныя образа, церковную утварь и проч. Съ своей стороны и правительство признало, что наступило время дать удовлетвореніе всѣмъ этимъ желаніямъ и надеждамъ сибирскаго населенія и рѣшило ассигновать необходимыя суммы какъ на постройку зданія университета, такъ и на его содержаніе. Предлагая мнѣ занять должность губернатора, съ которою будетъ соединено и предсѣдательствованіе въ комитетѣ по постройкѣ университетскихъ зданій, Казнаковъ руководился, по его словамъ, увѣренностью, что это дѣло будетъ находиться не только въ чистыхъ, но и достаточно твердыхъ и умѣлыхъ рукахъ, такъ какъ изъ нѣсколькихъ моихъ контрольных постановленій о начетахъ на окружное инженерное управленіе онъ убѣдился, что строительная часть мнѣ довольно знакома, и кромѣ того ему извѣстно, что принадлежавшій мнѣ въ Омскѣ небольшой, но очень хорошій домъ былъ выстроенъ подъ непосредственнымъ моимъ руководствомъ. Все это, по словамъ Казнакова, представляло бы ему гарантію, что комитетъ подъ моимъ предсѣдательствомъ не былъ бы игрушкой въ рукахъ архитектора и не допустилъ бы тѣхъ печальныхъ явленій, которыя неизбѣжно сопровождаютъ почти каждую постройку казеннаго зданія, въ родѣ перерасходовъ, растратъ, подлоговъ, сдѣлокъ съ подрядчиками и, какъ слѣдствіе всего этого—непрочности зданія. И для поясненія своей мысли Казнаковъ привелъ позорную исторію постройки технологическаго института въ Харьковѣ.

Поблагодаривъ Казнакова за предложеніе и лестное мнѣніе о моихъ скромныхъ силахъ, я сказалъ, что рѣшить вопросъ столь важный и сложный немедленно не могу, такъ какъ необходимо обсудить его съ моею женою, и что дня чрезъ 2 я сообщу о своемъ рѣшеніи.

Я зналъ, конечно, что въ дореформенной губерніи, какою была въ то время Томская, процвѣтали старинныя язвы, какъ-то: казнокрадство, вымогательство, взяточничество, nepотизмъ, подлоги, утрата въ судахъ дѣлъ и проч. и проч., и зналъ также, что борьба съ этимъ зломъ очень и очень трудна; но желаніе съ одной стороны въ возможной степени облегчить населенію бремя правительственной опеки, а съ другой—оправдать довѣріе Казнакова относительно постройки университетскаго зданія, вмѣстѣ съ тѣмъ соблазнъ (признаюсь чистосердечно) выдвинуться изъ заурядной чиновной толпы на видный постъ—побудили меня принять предложеніе Казнакова, тѣмъ

болѣе, что онъ далъ мнѣ рѣшительное обѣщаніе добиться измѣненія штатовъ губернскихъ и уѣздныхъ учреждений, такъ какъ нищенское содержаніе чиновниковъ было главною причиною указанныхъ выше прискорбныхъ явленій въ служебной сферѣ. Одного только я не принялъ въ соображеніе — политической стороны положенія дѣлъ въ Россіи и Сибири. Съ этою стороною я вовсе не соприкасался и очень мало ее зналъ. Здѣсь я разумѣю собственно ссыльныхъ государственныхъ преступниковъ семидесятихъ годовъ, а не политическихъ поляковъ, сосланныхъ въ 1864 г. Отношеніе правительства къ этимъ послѣднимъ уже немало времени становилось болѣе и болѣе мягкимъ и даже благосклоннымъ, въ виду корректнаго поведенія поднадзорныхъ поляковъ въ Западной Сибири. Нѣкоторымъ правительственнымъ учрежденіямъ было даже разрѣшено принимать ихъ на службу по вольному найму, чѣмъ широко пользовались казенныя и контрольныя палаты, а также уѣздные и губернскіе суды, и только въ губернскихъ правленіяхъ и полиціи служба ссыльныхъ поляковъ не признавалась удобною. Нѣкоторыя этой категоріи лица съ высочайшаго соизволенія приняты были даже на штатную государственную службу (Новогоицкій, Боровскій, Думитрашко, Жеромскій и пр.). Что же касается государственныхъ преступниковъ, сосланныхъ къ 70 годамъ въ Зап. Сибирь подъ надзоръ полиціи, то всѣ указанія объ нихъ министерства внутреннихъ дѣлъ сообщались мѣстнымъ администраціямъ секретными циркулярами и въ мѣстномъ контролѣ, конечно, не были извѣстны.

Назначеніе мое состоялось въ февралѣ 1880 года, а 12 апрѣля, по настоятельному желанію Казнакова, я былъ уже въ Томскѣ.

Первыя впечатлѣнія были очень тяжелыя. Начать съ того, что въ Томскѣ не было казеннаго дома для губернатора и его канцеляріи, и никто изъ ближайшихъ сотрудниковъ губернатора не позаботился заблаговременно пріискать мнѣ хотя бы временную квартиру. Пришлось расположиться въ гостиницѣ Крюгера, переполненной пріѣзжими жильцами, и немедленно въ первый же день вступить въ должность. Къ этому побудило полученное мною сообщеніе, что по формальному разрѣшенію городской полиціи разграбленъ чайный складъ (болѣе тысячи ящиковъ чая) умершаго купца Мутовкина, бывшаго комиссіонеромъ кяхтинскаго купца Лушниковъ. Приказавъ полиціймейстеру Гомбинскому представить мнѣ дѣло

по этому складу, я увидѣлъ, что по прошенію вдовы Мутовкиной, составленному ссыльнымъ адвокатомъ Косачемъ, полиція, во избѣжаніе будто-бы убытковъ для Лушникова, но безъ указанія на законъ, уполномочила Мутовкину продолжать исполненіе комиссіонерскихъ операций умершаго мужа. Подлинное постановленіе было подписано помощникомъ полиціймейстера Плотниковымъ, приставомъ Никольскимъ и пропущено стряпчимъ Мицкевичемъ. Воспользовавшись этимъ, зять Мутовкина, разорившійся купецъ Андреевъ, и ссыльный адвокатъ Косачъ, какъ мнѣ было уже извѣстно, стали систематически спаивать до безчувственнаго состоянія Мутовкину и затѣмъ вывезли изъ ея каменной кладовой всѣ 1.053 ящика байховаго чая, цѣнностью болѣе 100.000 руб., размѣстивъ ихъ по нанятымъ ими амбарамъ въ разныхъ частяхъ города, и ожидали только открытія навигаціи, чтобы сплавить чай по разнымъ городамъ и пристанямъ рѣкъ Оби и Иртыша и схоронить такимъ образомъ, какъ говорится, концы въ воду.

На вопросъ мой Гомбинскому, зналъ ли онъ объ этомъ постановленіи полиціи и какъ могъ допустить такое беззаконіе и дневной грабежъ—онъ наивно отвѣтилъ, что онъ въ гражданскихъ дѣлахъ несвѣдущъ, а специально знаетъ только уголовную часть. Я замѣтилъ Гомбинскому, что, прослуживъ по полиціи около 20 лѣтъ, онъ обязанъ былъ знать, что довѣренность есть актъ только *личный* и что со смертью Мутовкина сила данной ему довѣренности прекращалась и никто—ни вдова, ни дочь, ни зять—не имѣли права воспользоваться заключавшимися въ ней полномочіями. Полиція же обязана была немедленно принять мѣры къ охранѣ торговыхъ книгъ, документовъ и всего имущества, какъ собственнаго умершаго Мутовкина, такъ и его довѣрителя Лушникова. На это Гомбинскій уже ничего не отвѣтилъ и стоялъ совершенно уничтоженный. Отпустивъ его, я приказалъ позвать Плотникова. Вошелъ красивый мужчина, лѣтъ 50, высокаго роста съ военною выправкою. Объясненіе съ нимъ было короткое.

— Изъ военныхъ? спросилъ я его.—Точно такъ, Ваше-ство, изъ старшихъ военныхъ писарей.—Сколько взялъ по дѣлу Мутовкина?—500 р. далъ Андреевъ.

— А приставъ Никольскій сколько получилъ?—300 р.

— Ну, вы знаете, что теперь слѣдуетъ?

— Точно такъ, Ваше-ство,—и подалъ заранѣе приготовленное прошеніе объ отставкѣ.

Вслѣдъ за нимъ вошелъ приставъ Никольскій, молодой человекъ, лѣтъ 23, блѣдный, сильно взволнованный.

— Правда ли, что вы взяли по дѣлу Мутовкина 300 р.?

— Простите, больная жена, новорожденный ребенокъ, непосильные расходы на лѣкарства, доктора... соблазнился. Но я уже возвратилъ эти деньги Андрееву; показываетъ росписку:— Въ возвратъ ссуды 300 руб. получилъ эту сумму отъ г. Никольскаго сполна. Купецъ Андреевъ.

— Хорошо, я принимаю во вниманіе ваше раскаяніе, но требую, чтобы въ 24 часа, считая съ 8 час. завтрашняго утра, всѣ 1.053 ящика были сvezены и сложены въ амбаръ Мутовкина; затѣмъ вы должны амбаръ замкнуть, запечатать, приставить къ нему карауль; привести также въ извѣстность и все прочее имущество Мутовкина, о всемъ этомъ составить въ присутствіи благонадежныхъ, понятыхъ протоколъ, который и представить мнѣ.

Къ вечеру слѣдующаго дня все было исполнено, а вскорѣ послѣ этого новый комиссіонеръ Лушниковъ, купецъ Козловъ, заявилъ мнѣ, что имъ принято имущество его довѣрителя все сполна.

Такъ благополучно была разрушена смѣло задуманная Косачемъ и Андреевымъ крупная панама.

Не буду рассказывать о менѣе важныхъ дѣлахъ, во множествѣ накопившихся въ 7-мѣсячный промежутокъ между отъѣздомъ моего предшественника и вступленіемъ моимъ въ управленіе, такъ какъ управлявшій въ это время вице-губернаторъ Дмитріевъ-Мамоновъ ¹⁾ по текущимъ дѣламъ большею частью ограничивался резолюціями „доложить по пріѣздѣ губернатору“.

Упомяну здѣсь, что черезъ день по пріѣздѣ я назначилъ общее представленіе чиновниковъ, при чемъ произнесъ обычную въ такихъ случаяхъ рѣчь о честномъ и усердномъ исполненіи долга, о памятованіи, что не общество существуетъ для чиновниковъ, а чиновники—для общества, о доброжелательномъ и чуждомъ всякаго высокомерія и нетерпѣливости служебномъ отношеніи чиновниковъ ко всѣмъ сословіямъ и особенно къ крестьянству и проч. Въ заключеніе я прибавилъ, что за прошедшее я не судья, но если это прошедшее станетъ дѣйствительнымъ и послѣ моего предупрежденія, то, конечно, я приму необходимыя мѣры.

¹⁾ Впослѣдствіи признанный графомъ, какъ прямой потомокъ навѣстнаго фаворита императрицы Екатерины II.

Вскоръ случилось происшествіе, сильно взволновавшее весь городъ. Въ самую великую пасхальную заутреню три солдата пробрались тайно въ кабакъ, находившійся вблизи казармъ, (куда, какъ впоследствии оказалось, сидѣлецъ-еврей постоянно по ночамъ пускалъ солдатъ), страшно перепились и стали буйствовать, и когда сидѣлецъ началъ ихъ выгонять, то остервенившись убили его, его жену, шестерыхъ дѣтей и няню-христіанку. Преступники захвачены были полиціей на мѣстѣ преступленія и арестованы.

Объ этомъ происшествіи я донесъ по телеграфу Его Величеству государю императору, министру внутреннихъ дѣлъ и генераль-губернатору, присовокупивъ, что къ слѣдствію приступлено.

На другой день только и разговоръ было, что объ этомъ происшествіи: а вечеромъ въ клубъ ко мнѣ обратился по поводу того же событія упомянутый выше триумвиратъ: вице-губернаторъ Дмитріевъ-Мамоновъ, начальникъ жандармскаго управленія полков. Александровъ и управляющій контр. палатою Стеблинъ-Каменскій, и узнавъ, что я уже отправилъ мои рапорты, настойчиво совѣтовали послать доподнительныя представленія о томъ, что Томскій батальонъ, къ которому принадлежатъ солдаты-убійцы, совершенно деморализованъ и что безусловно необходимо смѣнить воинскаго начальника и командира батальона, которые своимъ болѣе чѣмъ небрежнымъ отношеніемъ къ служебному долгу довели ввѣренную имъ часть до распущенности, угрожающей жителямъ города огромной опасностью. Я отвѣтилъ этимъ господамъ что, конечно, цѣню мотивы, побудившіе ихъ преподать мнѣ такой совѣтъ, но въ настоящемъ случаѣ предпочитаю остаться при той мѣрѣ, какая уже принята, надѣясь, что слѣдствіе выяснитъ истинное положеніе дѣлъ въ батальонѣ; на будущее же время, если встрѣтится надобность, я непременно обращусь къ нимъ о сообщеніи мнѣ ихъ официальнаго заключенія по тому или иному вопросу, а не клубнаго заявленія.

Больше эти господа съ своими непрошенными совѣтами ко мнѣ не обращались.

Въ концѣ апрѣля мною было получено высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Комитета по возведенію зданій Сибирскаго университета, подъ моимъ предсѣдательствомъ, изъ слѣдующихъ членовъ: вице-губернатора Дмитріева-Мамонова, профессора Казанскаго университета Флоринскаго и Томскаго городского головы Цыбульскаго и строителя зданій профес-

сора архитектуры Арнольда. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же присланъ былъ утвержденный проектъ университетскихъ зданій со смѣтой и доставленными чертежами.

Учрежденіе университета „въ странѣ мятелей и сибирѣ на берегу широкой Томи...“ несомнѣнно представляется историческимъ событіемъ огромнаго значенія. Сибирь, какъ уже сказано выше, болѣе 50 лѣтъ употребляла самая энергичныя мѣры къ благопріятному рѣшенію вопроса объ университетѣ: посылала въ Петербургъ депутаціи, вела обширную агитацію въ газетахъ, жертвовала значительныя суммы на постройку университетскихъ зданій, жертвовала разныя цѣнныя коллекціи, церковную утварь и проч. Но все было напрасно, и всегда получался одинъ и тотъ же отвѣтъ: „въ виду затруднительнаго положенія государственнаго казначейства, не представляется въ настоящее время возможнымъ“ удовлетворить ходатайство Сибири. Только благодаря Казнакову вопросъ о Сибирскомъ университетѣ наконецъ разрѣшился благопріятно. Онъ прямо заявилъ, что приметъ предложенную ему должность генераль-губернатора Зап. Сибири только въ томъ случаѣ, если будетъ дано твердое обѣщаніе, что университетъ будетъ наконецъ учрежденъ и сверхъ того будутъ ассигнованы необходимыя суммы для открытія нѣсколькихъ среднихъ учебныхъ заведеній, которыхъ въ то время на всю Сибирь было всего 4 классическихъ гимназій, 1 реальное училище, 1 кадетскій корпусъ и 3 духовныхъ семинаріи. Обѣщаніе было дано, и тогда же было приступлено къ разсмотрѣнію конкурсныхъ проектовъ, лежавшихъ безъ движенія въ Техническо-строительномъ комитетѣ нѣсколько лѣтъ. Къ сожалѣнію, подъ давленіемъ того же „затруднительнаго положенія государственнаго казначейства“ предпочтенъ былъ довольно слабый проектъ архитектора Бруни, только изъ-за того, что смѣта на возведеніе всѣхъ зданій исчислена была имъ въ 550 т. руб., между тѣмъ какъ на осуществленіе проекта проф. Эрн. Ив. Жибера, въ высокой степени талантливаго и практичнаго, требовалось до 1 мил. 200 т.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію дѣйствій комитета, нахожу небезполезнымъ кратко коснуться здѣсь общаго характера возложенной на комитетъ задачи. Сооруженіе огромнаго зданія въ такихъ центрахъ, какъ Петербургъ, Москва, Кіевъ, Одесса сводится къ вопросу о деньгахъ, т.-е. если имѣются деньги, то подъ рукой находятся и всевозможныя матеріалы, и рабочія руки, и всякія техническія приспособ-

собленія и пр. Но не то въ такихъ незначительныхъ городахъ, какъ Томскъ (около 40 т. жит.), гдѣ строительныя потребности крайне ограничены, и потому не было тамъ ни строительныхъ складовъ, ни лѣсныхъ дворовъ, ни какихъ-либо техниковъ, а биржа труда существовала только на Черемошинской пристани, гдѣ сосредоточивались чернорабочіе исключительно для погрузки и выгрузки товаровъ и чаевъ, и на другія работы не шли. При такомъ положеніи и въ виду огромныхъ размѣровъ разныхъ матеріаловъ, требовавшихся для дѣла, напр. кирпича 15 мил., лѣсу до 30 тыс. бревень, до 1.000 кубовъ бутовой плиты, Комитетъ поставленъ былъ въ необходимость организовать свои собственные предпріятія. Какъ онъ справился съ этою задачей, видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Наканунѣ перваго засѣданія Комитета пришелъ ко мнѣ инженеръ-технологъ Даниловъ, съ которымъ я былъ нѣсколько знакомъ, лѣтъ 10 назадъ, по службѣ моей въ Красноярскѣ, и заявилъ, что доставшійся ему по смерти отца капиталъ онъ рѣшилъ употребить на постройку завода въ Красноярскѣ для выдѣлки кирпича *машиннымъ* способомъ и уже приобрѣлъ въ Москвѣ у Шликейзена всѣ необходимые для этого дѣла аппараты, которые придутъ сюда, т.-е. въ Томскъ, чрезъ недѣлю на первомъ пароходѣ. Теперь же освѣдомившись, что Комитетъ несомнѣнно встрѣтитъ затрудненіе въ приобретеніи необходимаго ему огромнаго количества кирпича, онъ, Даниловъ, предлагаетъ—не угодно ли Комитету воспользоваться его услугами по поставкѣ кирпича въ какомъ бы ни потребовалось количествѣ и по опредѣлившейся уже цѣнѣ (10 р. за тыс. на мѣстѣ и 2 р. за перевозку), при чемъ въ случаѣ согласія и заключенія контракта онъ остановилъ бы свою машину здѣсь и немедленно приступилъ бы къ постройкѣ завода на отведенномъ Комитету городскомъ участкѣ и съ правомъ пользоваться предоставленнымъ Комитету лѣснымъ матеріаломъ изъ дачъ Кабинета Е. В.

Выслушавъ это предложеніе, я отвѣтилъ, что нахожу его, съ одной стороны, заслуживающимъ полнаго вниманія, но съ другой—по новизнѣ дѣла я не могу высказать никакого своего мнѣнія и завтра же передамъ въ Комитетъ для всесторонняго разсмотрѣнія его, Данилова, записки. На это Даниловъ съ нѣкоторою живостью заявилъ, что онъ былъ уже у трехъ членовъ Комитета: Дмитріева-Мамонова, Флоринскаго и архитектора Арнольда, которые вполне одобрили предложеніе и

выразили увѣренность, что Комитетъ его приметъ и заключить контрактъ. Что касается Захарія Михайловича Цыбульскаго, то ему, Данилову, не удалось его видѣть.

При обсужденіи въ засѣданіи Комитета предложенія Данилова о поставкѣ машиннаго кирпича и о заключеніи съ нимъ 3-лѣтняго контракта указанная три лица дѣйствительно горячо настаивали на полномъ удовлетвореніи ходатайства Данилова въ виду твердой его увѣренности, что заводъ его будетъ поставлять неограниченное количество кирпича, гарантируя свое обязательство залогомъ и неустойкой. Но съ такимъ рѣшеніемъ вопроса не согласился Цыбульскій, по слѣдующимъ основаніямъ. Во 1-хъ, Комитету высочайше повелѣно выстроить университетскія зданія вчера же срочно, въ теченіе 3 лѣтъ. Исполнить это онъ долженъ и можетъ только способами вѣрными, испытанными, т.-е. выдѣлкой такъ называемаго „подпяточного кирпича“, для чего имѣются на-лицо всѣ необходимыя данныя: обширная отведенная городомъ площадь для завода, потребное количество дѣса изъ дачъ Каб. Е. В. для сараевъ и для обжига кирпича и необходимое число опытныхъ глинятовъ и кирпичныхъ мастеровъ. Живая сила лучше обезпечиваетъ, чѣмъ залогомъ и неустойкой.

Во 2-хъ, машинное производство кирпича началось еще весьма недавно за границей и едва-ли не находится еще лишь въ стадіи опытовъ. Если г. Даниловъ намѣренъ попытаться осуществить здѣсь такое предпріятіе, это касается его лично, его рискъ можетъ увѣнчаться успѣхомъ, а можетъ и не увѣнчаться; но Комитету связывать свою свободу дѣйствій съ несуществующимъ еще предпріятіемъ представляется, по его, Цыбульскаго, мнѣнію, недопустимымъ,—

и въ 3-хъ, говорятъ, что обязательство Данилова обезпечено залогомъ и неустойкой и въ случаѣ его неисправности Комитетъ можетъ купить кирпичъ на его счетъ. Формально это такъ, но въ дѣйствительности Комитетъ остался бы безъ кирпича, потому что въ Томскѣ на всѣхъ его 11 заводахъ, вырабатывающихъ до 2 мил., весь кирпичъ впередъ контрактванъ и свободнаго на продажу въ сколько-нибудь значительныхъ количествахъ нѣтъ.

Расширить свое производство эти заводи не могутъ, потому что занимаютъ крайне ограниченныя площади и владѣльцы ихъ не обладаютъ для такого расширенія достаточными средствами. Въ виду всего этого Цыбульскій высказался за отклоненіе ходатайства Данилова и за устройство

своего собственного завода. Защитники Данилова не возражали. Я, съ своей стороны, присоединился къ мнѣнію Цыбульскаго, и тогда рѣшено было строить свой заводъ, пригласивъ для управленія имъ извѣстнаго спеціалиста П. В. Михайлова, построившаго вмѣстѣ съ своимъ компаніономъ С. П. Петровымъ изъ религіознаго усердія („Бога для“) безвозмездно болѣе 20 каменныхъ и деревянныхъ церквей въ селеніяхъ Томской губерніи.

Это первое засѣданіе Комитета, продолжавшееся около 5 часовъ, явно показало, что мнѣ и Цыбульскому предстоитъ нелегкая борьба со сплоченнымъ большинствомъ, рѣшившимъ ставить всякія препятствія, и что для пользы и ускореннаго хода дѣла мнѣ многое придется брать на свою личную отвѣтственность.

Думаю, что такъ бы оно было и на самомъ дѣлѣ, еслибъ неожиданно не случилось обстоятельство, которое совершенно спутало карты упомянутыхъ господъ. Вотъ въ чемъ дѣло:

Несмотря на то, что Комитетъ отклонилъ ходатайство Данилова о кирпичномъ подрядѣ, Даниловъ немедля началъ постройку завода и чрезъ мѣсяць пустилъ въ ходъ свои машины. Сначала дѣло пошло дѣйствительно хорошо, но чрезъ 2 недѣли надъ заводомъ разразилась катастрофа: толстая чугунная шестерня, въ которую упирался громадный валь глиномятнаго цилиндра, разлетѣлась на 3 части, одна изъ нихъ пробила бревенчатую стѣну, а двѣ зарылись въ земляной полъ. Запасной шестерни не было; Шликейзенъ изъ Москвы отвѣтилъ, что и у него нѣтъ и что нужно заказать новую отливку за границей. Такимъ образомъ операція перваго года у Данилова была потеряна и онъ понесъ значительный убытокъ. Несмотря однако же на это, онъ былъ чрезвычайно доволенъ, что Комитетъ не заключилъ съ нимъ контракта, сознавая, что въ противномъ случаѣ онъ былъ бы разоренъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ катастрофа съ заводомъ Данилова, почти предсказанная Цыбульскимъ, была большимъ конфузомъ для Дм.-Мамонова, Флоринскаго и Арнольда, и они стали потомъ гораздо осторожнѣе въ выраженіи своихъ мнѣній и желаній, но нельзя не упомянуть, что они стали и значительно равнодушнѣе къ дѣлу Комитета. Еще въ засѣданія они являлись всегда по приглашенію, на постройку же заходили какъ-нибудь случайно по пути на нѣсколько минутъ. Да и когда было заниматься постройкой? Дм.-Мамоновъ, страстный игрокъ, дни и ночи проводилъ за картами; Флоринскій, получая б т. собственно за

1½ мѣсяца участія своего въ занятіяхъ Комитета, посвящаль свое время акушерской практикѣ. Наконецъ Арнольдъ велъ свою линію, застрашивая поставщиковъ и выискивая на сторонѣ частныя работы. Еще меньшимъ вниманіемъ этого тріо пользовался построенный одновременно съ Даниловскимъ заводъ Комитета, никто изъ нихъ не посѣтилъ его, а между тѣмъ заводъ сослужилъ большую службу, безостановочно работая и подготавливая огромное количество превосходнаго кирпича для операціи каждаго года.

Изъ прочихъ операцій нахожу нужнымъ упомянуть о слѣдующихъ:

1) *О лѣсной.* Кабинетъ Е. В. предоставилъ Комитету лѣсной участокъ въ Оешинской волости, расположенный по р. Оби. По расчету архитектора Комитету необходимо было на балки, доски, бруски и проч. не менѣе 30 тыс. бревенъ разной длины и толщины. Операцію эту отлично исполнили крестьяне Оешинской волости цѣлымъ обществомъ. Въ половинѣ іюля плоты были пригнаны къ университетскому берегу, оставалось только выкатать ихъ изъ воды.

Такъ какъ мнѣ экстренно было необходимо выѣхать въ Барнаулъ, гдѣ возникла между жителями паника по случаю крайне злокачественнаго дифтерита, поражающаго и дѣтей и взрослыхъ, при чемъ трупы по 7—8 дней оставались въ домахъ неубранными, а нѣкоторые обыватели стали уже выселяться изъ города и могли разнести заразу въ другія мѣстности,— то я формальнымъ письмомъ обратился къ Флоринскому съ предложеніемъ озаботиться принятіемъ мѣръ къ возможно скорой выгрузкѣ бревенъ на берегъ, пользуясь благоприятной теплой погодой; на расходы же по этой операціи я приложилъ талонъ въ 3 т. руб.

Пробывъ въ отъѣздѣ около мѣсяца, я по возвращеніи въ Томскъ узналъ, что плоты не выгружены, Флоринскій уѣхалъ въ Казань и что въ моемъ кабинетѣ лежитъ письмо его съ талономъ на 3 т. руб. Въ письмѣ Флоринскій заявилъ, что такъ какъ катали заявили за выгрузку бревна цѣну по 11 коп. съ бревна, каковую онъ призналъ чрезмѣрно высокой, и такъ какъ поздней осенью цѣны, *въроятно*, будутъ ниже, то онъ не нашелъ возможнымъ исполнить мое порученіе. Грѣшный человекъ!... мысленно я обозвалъ Флоринскаго мелочникомъ и тупицей: изъ-за какихъ-нибудь 400 или 500 руб. оставлять нѣсколько мѣсяцевъ плоты въ Томи, которая какъ горная

рѣка подвержена нерѣдкимъ паводкамъ, и погубить всю лѣсную операцію Комитета,—это было въ высшей степени неразумно.

Положеніе было крайне серіозное: наступила вторая половина августа и предстояло скорое окончаніе навигаціи, вслѣдствіе чего всѣ вольные рабочіе сосредоточились на пристани, гдѣ и днемъ и ночью шла лихорадочная погрузка товаровъ и чаевъ, отъ другихъ работъ особенно отъ катальныхъ, рабочіе рѣшительно отказывались, а между тѣмъ изъ Бійскаго округа приходили свѣдѣнія, что въ верховьяхъ Томи начались дожди, которые не предвѣщали ничего хорошаго; грозила большая опасность плотамъ.

Въ виду этого я рѣшился на мѣру, если и неполнѣ законную, то вполнѣ достигшую цѣли и спасшую наши плоты. Придя въ арестантскую роту, я приказалъ собрать всѣхъ до 250 арестантовъ во дворѣ и, поздоровавшись, обратился къ нимъ съ такою рѣчью: „Вотъ, я снова хочу дать вамъ работу на вольномъ основаніи, какъ прежде, т.-е. какая цѣна вольнымъ, такая же и вамъ. Работа—выгрузка плотовъ изъ воды на берегъ. Потребуется до 200 человѣкъ дней на 8—12. Конечно я позабочусь, чтобы рабочіе были сыты и чтобы имъ было гдѣ согрѣться отъ холодной воды и вѣтра“.

Предложеніе понравилось, и всѣ арестанты съ благодарностью выразили желаніе стать на работу, ручаясь, что не будетъ ни побѣговъ, ни прогуловъ. Но такъ какъ въ общемъ числѣ арестантовъ было немало людей слабыхъ и болѣзненныхъ, которыхъ было бы опасно пустить въ водяную работу на вѣтру, то я прибавилъ, что и они будутъ взяты для поддержанія костровъ, самоваровъ въ палаткахъ и для помощи комитетскому обозу по отвозкѣ выкатанныхъ на берегъ бревенъ на университетскій дворъ.

Въ двѣ недѣли дружною работою арестантовъ всѣ бревна были выкатаны на берегъ и затѣмъ свезены къ постройкѣ университетскихъ зданій, и такимъ образомъ лѣсная операція Комитета закончилась вполнѣ благополучно. Но не такъ закончились лѣсныя дѣла для нѣкоторыхъ жителей изъ Томска: дня черезъ три ожидавшійся паводокъ дѣйствительно обрушился огромнымъ валомъ на берега Томи, сорвалъ немало лодокъ и плотовъ, разметалъ массу дровъ, повредилъ пристани и проч. Убытки были весьма значительны.

2. *О бутовой плитѣ.* Въ одно изъ засѣданій Комитета архитекторъ Арнольдъ доложилъ, что назначенная по смѣтѣ на фундаменты Заварзинская бутовая плита по тщательномъ

испытаніи оказалась негодною, такъ какъ подъ давленіемъ большихъ грузовъ пилоновъ и стѣнъ она неизбежно подвергнется разрушенію ко вреду зданія, при этомъ онъ демонстрировалъ кубическій вершокъ этой плиты, дѣйствительно превратившейся въ порошокъ подъ дѣйствіемъ положеннаго на него аппарата съ соотвѣтственной по расчету тяжестью. Конечно, Комитетъ отказался отъ Заварзинской плиты и постановилъ поискать камень болѣе твердой породы. Тогда выступилъ Дмитріевъ-Мамоновъ и отъ имени арестантской роты, попечителемъ которой онъ состоялъ, заявилъ, что въ 3 верстахъ отъ Томска, по рѣкѣ Ушайкѣ находятся залежи кварца, въ которыхъ рота желала бы добывать плиту по 12 руб. за кубическую сажень. Комитетъ принялъ это предложеніе, съ одной стороны потому, что цѣна была дешевле смѣтной на 3 р., а съ другой—онъ желалъ предоставить арестантской ротѣ выгодное занятіе, которое въ значительной степени могло улучшить ея продовольственную часть. Увы! предпріятіе это кончилось полнымъ фіаско. Вотъ какъ Дмитріевъ-Мамоновъ приступилъ къ осуществленію подряда: обвинивъ арестантамъ, что вмѣсто всѣхъ городскихъ работъ они будутъ всѣ теперь работать на выломкѣ пороховъ бытовой плиты на Ушайкѣ, онъ спросилъ, кто изъ арестантовъ умѣетъ производить взрывы камня? Выступилъ молодой арестантъ Скачковъ и заявилъ, что онъ знаетъ, какъ это дѣлается: сначала нужно молъ просверлить дыру, а затѣмъ положить зарядъ пороха и поджечь. Дмитріевъ-Мамоновъ удовольствовался этимъ объясненіемъ и приказалъ смотрителю выдать Скачкову фунтовъ 5 пороха и отпустить съ нимъ нѣсколько человѣкъ съ ломами и молотками на Ушайку. Когда довольно глубокая дыра была пробита, Скачковъ и поступилъ по своему рецепту:—насыпалъ пороху и поджегъ; получился, конечно, неизбежный результатъ—взрывомъ Скачковъ былъ убитъ. Этотъ печальный экспериментъ Дмитріева-Мамонова происходилъ во время моего объѣзда губерніи для ревизіи мѣстныхъ учреждений, и я узналъ объ немъ только по возвращеніи въ Томскъ. Конечно дальнѣйшія услуги Дмитріева-Мамонова и попечительствуемой имъ арестантской роты были прекращены, и операція съ бытовой плитой была исполнена инымъ путемъ, по моему непосредственному указанію.

Операція эта была настолько сложна и повлекла настолько важныя для Комитета послѣдствія, что представляется необходимымъ подробно объяснить ходъ этого дѣла.

Мнѣ было извѣстно, что на городской дачѣ Басандайкѣ (въ 9 верст. отъ Томска) находится обширная залежь мелкозернистаго гранита, во многихъ мѣстахъ обнаженнаго и расщелившагося и слѣдовательно удобнаго для выломки. Остановившись на мысли, что лучшаго камня для забутки фундамента и желать не надо, и принявъ во вниманіе удобство доставки плиты на большихъ лодкахъ (паузкахъ) сплавомъ *внизъ по теченію* рѣки, я рѣшился взять эту операцію въ свои руки на свою личную отвѣтственность, въ виду того, что уже было потеряно два мѣсяца изъ-за эксперимента Дмитріева-Мамонова и кромѣ того было опасеніе, что три несговорчивыхъ члена постараются поставить какіе-либо тормозы и время затянется въ бесплодныхъ преніяхъ, и что со стороны города не встрѣтится препятствія къ разрѣшенію ломки камня на Басандайкѣ, я немедленно вызвалъ кр-на Якова Павлова, единственнаго въ Томскѣ подрядчика по горнымъ работамъ, и предложилъ ему взять выломку и доставку камня. Павловъ отвѣтилъ, что, предвидя возможность такого предложенія, онъ заблаговременно осмотрѣлъ залежи гранита на Басандайкѣ и нашелъ, что верхній пластъ гранита какъ въ обнаженіяхъ, такъ и въ покрытыхъ землею мѣстахъ, дѣйствительно весь расщелялся глубиною отъ 5 до 8 вершковъ и легко поддается выломкѣ; но затѣмъ подъ этимъ слоемъ гранитъ находится въ состояніи монолитности, ломать его можно только порохо-стрѣльными или динамитными работами, а такія работы производятся очень медленно, требуютъ много рабочихъ рукъ и должны быть ведены подъ постояннымъ руководствомъ опытнаго штейгера. Смѣтная цѣна 15 р. была назначена на Заварзинскую плиту и цѣна эта сходная, можно и сбавить, потому что камень тамъ мягкій, разламывается ломами и доставка ближе. Въ заключеніе Павловъ сказалъ, что готовъ взять этотъ подрядъ съ обязательствомъ приступить чрезъ 3 дня къ работѣ, такъ какъ люди и инструменты у него готовы, но просить къ смѣтной цѣнѣ прибавить 1 р., т.-е. за кубъ 16 руб. Зная Павлова, по рекомендаціи Цыбульскаго, какъ вполне добросовѣстнаго человѣка, я согласился на его условія и просилъ дать въ принятіи подряда подписку, которую онъ тутъ же у меня въ кабинетѣ и написалъ.

Я считалъ это дѣло конченнымъ, такъ какъ рѣшился переплату сверхъ смѣты за 1 тысячу кубовъ одной тысячи руб. взять на свою личную отвѣтственность въ томъ случаѣ, если бы Государственный Контроль не призналъ это распоряженіе

правильнымъ и обратилъ переплаченную сумму въ начеть. Но случилось обстоятельство, неожиданное и крайне неприятное, которое при малѣйшемъ колебаніи съ моей стороны могло зловредно отразиться на всѣхъ дѣлахъ Комитета. Дѣло вотъ въ чемъ:

Не прошло и двухъ часовъ, какъ возвратился ко мнѣ Павловъ, блѣдный, разстроенный, заявивъ, что онъ отказывается отъ подряда, и сталъ убѣдительно просить не погубить его и возвратить его подписку. Не понимая, отчего въ его, казалось, добровольномъ и обдуманномъ рѣшеніи произошла вдругъ такая перемѣна, я просилъ его успокоиться и подробно объяснить—въ чемъ дѣло? И вотъ что разсказалъ Павловъ:

„Когда онъ вышелъ изъ моей квартиры, то у подъѣзда его встрѣтилъ поджидавшій тамъ Пинегинъ, у котораго М. М. жилъ въ домѣ, и сказалъ, что архитекторъ велѣлъ сейчасъ же явиться къ нему. Какъ только онъ вмѣстѣ съ Пинегинымъ вошелъ въ комнату, М. М. спросилъ: „ты былъ у губернатора на счетъ бутовой плиты? сколько взялъ за кубъ?“ Павловъ отвѣтилъ, что условились за 16 р. и что онъ далъ уже подписку, а завтра будетъ заключенъ контрактъ. На это М. М. съ необыкновеннымъ азартомъ закричалъ: „болванъ! а меня-то ты забылъ! да если меньше 28 р. кубъ, я тебя разорю. Пошелъ вонъ!“.

Ошеломленный такимъ приѣмомъ, Павловъ отправился къ своему компаніону по горнымъ подрядамъ, отст. статскому совѣтнику Шестаковскому, и, обсудивъ съ нимъ это дѣло, пришелъ къ заключенію, что отъ подряда нужно отказаться, такъ какъ онъ человѣкъ маленькій, бороться съ такимъ притязательнымъ архитекторомъ не можетъ, и увѣренъ, что онъ пустилъ бы его съ семьей по міру“.

Конечно, я постарался успокоить Павлова, объяснивъ во-первыхъ, что нѣтъ никакой необходимости уничтожать законную подписку, данную добровольно и вполне обоснованную, во-вторыхъ, что не одинъ только архитекторъ будетъ принимать плиту; напротивъ, я буду постоянно слѣдить самъ лично и чрезъ нашего нарядчика работу Федора Глѣбовича Курганскаго за ходомъ этого дѣла, и наконецъ, въ третьихъ, и я и Захарій Михайловичъ Цыбульскій всегда сумѣемъ защитить его, Павлова, отъ несправедливыхъ покушеній М. М. Въ заключеніе я поручилъ Павлову явиться завтра въ Комитетъ и твердо безбоязненно повторить предъ мною и членами

все, что онъ мнѣ разсказалъ. Павловъ видимо пріободрился и отвѣтилъ: „слушаю“.

На слѣдующій день въ засѣданіи Комитета я прежде всего призналъ нужнымъ ознакомить членовъ съ тою мѣрою, какая уже предпринята мной по заготовкѣ бута, и заявилъ, что вслѣдствіе полной неудачи бутовой операціи г. Дм.-Мамонова, сопровождавшейся гибелью арестанта Скачкова, и вслѣдствіе бесполезной потери уже двухъ мѣсяцевъ рабочаго времени, опасаясь, что въ слѣдующемъ году по недостатку плиты фундаментъ не будетъ выведенъ въ полномъ по смѣтѣ размѣрѣ, я остановился на мысли, что на фундаментъ можетъ быть употребленъ мелкозернистый гранитъ, въ изобиліи находящійся на городской дачѣ „Басандайкъ“ и такъ какъ представитель города, нашъ уважаемый сотрудникъ Зах. Мих. Цыбульскій, удостовѣрилъ, что со стороны города препятствій нѣтъ и быть не можетъ, то я вызвалъ единственнаго въ Томскѣ подрядчика по горнымъ работамъ Якова Павлова и договорился съ нимъ о выломкѣ и доставкѣ къ университетскому участку всего полного количества плиты, по 16 руб. за кубъ, въ чемъ и отобралъ отъ него подписку, которую я и предъявилъ Комитету. Что касается переплаты противъ смѣты по 1 р. за кубъ, то въ случаѣ несогласія г.г. членовъ принять участіе въ могущемъ послѣдовать начетѣ Государств. Контроля, начтенную сумму я приму на свой счетъ.—Наконецъ я объяснилъ, что считалъ это дѣло благополучно конченнымъ, какъ вдругъ случилось совершенно неожиданное обстоятельство: въ 10 часовъ вечера снова явился ко мнѣ Павловъ и сказалъ, что онъ отказывается отъ подряда и проситъ возвратитъ его подписку. Причины такой перемѣны его рѣшенія взять подрядъ Павловъ объяснить здѣсь самъ лично; при этомъ я позвонилъ и приказалъ ввести Павлова.

Когда онъ вошелъ, я спросилъ: былъ ли онъ согласенъ на поставку для Комитета 1.000 куб. по 16 р. и далъ ли собственноручную въ томъ подписку? Павловъ твердо отвѣтилъ: да, согласенъ и далъ вотъ ту самую подписку, которая мнѣ здѣсь предъявлена, и желаю заключить контрактъ. Затѣмъ на вопросъ: отчего онъ, придя ко мнѣ въ 10 часовъ ночи, выразилъ желаніе отказаться отъ подряда и просилъ возвратитъ подписку? Павловъ разсказалъ буквально все то, что говорилъ онъ мнѣ наканунѣ и что выше изложено въ кавычкахъ.

Разсказъ Павлова произвелъ подавляющее впечатлѣніе: Дм.-Мамоновъ, Флоринскій и М. М. сидѣли блѣдные, потупивъ

глаза, и звука не издали ни противорѣчія, ни даже какого-либо сомнѣнія. Одинъ только Цыбульскій заявилъ, что если Госуд. Контроль сдѣластъ начеть, то, признавая съ своей стороны правильность и главное своевременность моего распоряженія, онъ просить разрѣшить ему принять участіе въ уплатѣ той суммы, которая можетъ быть начтена Контролемъ.

Считая этотъ непріятный эпизодъ исчерпаннымъ, такъ какъ М. М. противъ показанія Павлова ничего не возражалъ и не отрицалъ, а молчаливо какъ бы призналъ его справедливость, я предложилъ Комитету обсудить вопросъ о томъ: слѣдуетъ ли заключать контрактъ отъ имени всего Комитета или же только отъ меня лично, какъ предсѣдателя. На этотъ вопросъ всѣ единогласно отвѣтили: отъ всего Комитета. О переплатѣ противъ смѣты 1.000 руб. за бутовую плиту я просилъ управлявшаго контр. палатою А. Г. Левина довести до свѣдѣнія госуд. контролера, который призналъ, что эта переплата вызвана дѣйствительною необходимостью, и распоряженіе Комитета утвердилъ.

Хотя такимъ образомъ про покушеніе М. М. на крупную поживу можно съ полнымъ правомъ сказать „сорвалось“, но опасеніе, что болѣе такихъ покушеній не будетъ, вовсе не устранялось. Напротивъ, слѣдовало ожидать, что въ расчетъ на нашу небольшую опытность въ строительныхъ дѣлахъ и въ надеждѣ на защиту Флоринскаго, выбору котораго М. М. обязанъ былъ своимъ назначеніемъ строителя, онъ не остановится и впредь въ дальнѣйшихъ поползновеніяхъ къ удержанію работъ и матеріаловъ и заведетъ насъ въ дебри, изъ которыхъ и выйти благополучно будетъ нельзя. Въ виду этого я послалъ телеграмму министру народ. просвѣщенія А. А. Сабурову съ подробнымъ изложеніемъ инцидента „М. М.—Павловъ“ и просилъ или уволить М. М. и назначить другого на его мѣсто, или же исходатайствовать высочайшее соизволеніе на освобожденіе меня отъ предсѣдательства въ Комитетѣ. Отвѣтъ министра былъ таковъ: М. М. увольняется отъ должности строителя, о назначеніи другого будетъ сообщено особо, а вслѣдъ за телеграммой директоръ департамента увѣдомилъ письмомъ, что выборъ строителя министр нар. пр. предоставляетъ мнѣ.

Конечно, довѣріе министра было лестно, но отвѣтственность, сопряженная съ этимъ порученіемъ, немало смущала меня. Съ одной стороны неудачный выборъ Флоринскимъ М. М., а съ другой—издавна установившаяся репутація разныхъ

инженеровъ, какъ „половинщиковъ казны“, невольно внушали опасеніе, что и мой выборъ могъ быть неудаченъ, что отозвалось бы неблагоприятно на интересахъ строительнаго комитета, а также несомнѣнно и на моей служебной карьерѣ. Но такъ или иначе возложенную на меня задачу нужно было рѣшить. Мѣстные инженеры-архитекторы (ихъ было трое) по разнымъ причинамъ были совсѣмъ непригодны для постройки университетскихъ зданій; въ другихъ губерніяхъ Сибири архитекторы были не лучше томскихъ. Пришлось ѣхать въ Петербургъ и тамъ искать строителя. Испытавъ неудачу въ переговорахъ съ двумя-тремя архитекторами, запрашивавшими отъ 15 до 20 тыс. въ годъ, съ обязательствомъ при этомъ со стороны Комитета не вмѣшиваться въ приемку матеріаловъ и обязательно принимать шаблоны и детальныя чертежи, я обратился къ директору Строительнаго училища (что нынѣ Институтъ гражданскихъ инженеровъ) Беригардту, который посоветовалъ мнѣ въ выборѣ строителя не останавливаться на болѣе или менѣе уже извѣстныхъ архитекторахъ, такъ какъ они обошлись бы слишкомъ дорого, а взять кого-либо изъ недавно кончившихъ Институтъ воспитанниковъ, находящихся въ положеніи помощниковъ. Для такихъ еще неустроившихся архитекторовъ важно, съ одной стороны, приобрести обезпеченное самостоятельное положеніе, а съ другой—связать свое имя съ постройкой зданія Сибирскаго университета. Поблагодаривъ Беригардта за добрый совѣтъ, я попросилъ его указать кого-либо изъ его недавнихъ учениковъ. Беригардтъ назвалъ архитектора Нарановича, какъ основательно подготовленнаго теоретически и вполне нравственнаго молодого человѣка. Черезъ нѣсколько дней Нарановичъ по моему ходатайству былъ утвержденъ строителемъ зданій университета и чрезъ 2 мѣсяца прибылъ къ мѣсту службы и немедленно принялся за дѣло.

Первая его заслуга предъ Комитетомъ состояла въ томъ, что онъ обнаружилъ шурфъ, который былъ вырытъ въ числѣ 9 для изслѣдованія грунта, а затѣмъ по распоряженію Арнольда заложенъ фундаментомъ. Обходя зданіе и провѣряя рулеткой стѣны, Нарановичъ обратилъ вниманіе, что въ одномъ мѣстѣ фундаментъ далъ небольшой прогибъ или провѣсъ. Не допуская мысли, чтобъ опытные каменщики на лицевомъ фасадѣ сдѣлали при кладкѣ такую грубую ошибку, и предположивъ, что прогибъ случился уже послѣ кладки, Нарановичъ приказалъ фундаментъ разобрать, при чемъ и былъ обнаруженъ

затерявшійся шурфъ глубиною 5 саж.; онъ былъ засыпанъ стружками, шепой и небольшими обрѣзами, на которыхъ собственно и производилась кладка бутовой плиты. Конечно эта небрежность, быть можетъ и несомнѣнно невинная, была немедленно устранена: Нарановичъ устроилъ обратную разгрузную арку, во всю ширину шурфа возвелъ столбъ до подошвы фундамента и уже на немъ задѣлалъ разобранный фундаментъ.

Не могу не упомянуть, что Нарановичъ сразу поставилъ себя въ совершенно правильныя отношенія къ Комитету: онъ заявилъ, что считаетъ своею прямою обязанностию только техническую сторону дѣла, всѣ же хозяйственныя операци составляють, по его мнѣнью, непосредственную компетенцію Комитета. Это крайне упрощало дѣло: Комитетъ заготовлялъ подрядомъ или наличною покупкой разные матеріалы и поставлялъ на постройку, а строитель безпрепятственно принималъ ихъ и только въ двухъ случаяхъ забраковалъ небольшое количество камней, предназначенныхъ для колоннъ на главномъ подъѣздѣ. Вообще постройка зданій университета при Нарановичѣ шла все время успѣшно и безъ всякихъ осложненій, даже и въ тѣхъ, правда, рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ нѣсколько терялся и не зналъ, какъ поступить. Въ этихъ случаяхъ я всегда приходилъ къ нему на выручку и устранялъ затрудненія, какъ это видно, напр. изъ слѣдующаго:

1) Вблизи постройки на сравнительно тѣсномъ пространствѣ вырыто было 10 творильныхъ ямъ для приготовленія известковаго раствора и когда, въ началѣ лѣтней кампаніи, водовозы, числомъ до 50, подвезли свои бочки, стараясь скорѣе вылить въ ямы воду, чтобы снова спѣшить на Томъ за водой, произошла такая свалка, что по крайней мѣрѣ часа на два остановилась вся работа. Сначала мы надѣялись, что мало-по-малу установится необходимый порядокъ, но надежда не осуществилась; съ водовозами не было никакого сладу, каждый стремился перегнать другого, чтобы привезти лишнюю бочку и заработать на ней лишнія 40 к. Въ виду такого положенія и во избѣжаніе убытковъ для Комитета (каждый часъ рабочаго времени стоилъ 60 р.), я рѣшился обойтись безъ этой дикой орды, устроивъ собственную водоподъемную машину. Меньше чѣмъ черезъ мѣсяць сильный насосъ съ двумя передачами, приводимый въ дѣйствіе двумя парами собственныхъ комитетскихъ лошадей, былъ готовъ, и въ изобиліи снабжалъ по желобамъ всѣ работы, гдѣ требовалась вода.

2) По плану постройки должны были быть устроены на противоположныхъ концахъ зданія двѣ амфитеатральныя аудиторіи съ пролетами въ 20 арш. Слѣдовательно, балки для перекрытія такихъ пролетовъ должны были имѣть не менѣе $2\frac{1}{2}$ арш., т.-е. на задѣлку концовъ въ стѣны приблизительно по 12 вершковъ, а толщина балокъ была назначена по смѣтѣ въ $\frac{3}{4}$ аршина въ отрубѣ. При такихъ размѣрахъ эти балки вѣсили каждая не менѣе 100 пудовъ, и когда первую балку стали поднимать по устроеннымъ Нарановичемъ желобамъ съ катками на неподвижныхъ осяхъ, то оказалось, во-первыхъ, что безъ пролома стѣнъ поднять балку изъ перваго этажа во второй и слѣдующій было невозможно, а во-вторыхъ, что движеніе балки по каткамъ вызвало сильное сотрясеніе еще сырыхъ неокрѣпнувшихъ стѣнъ, что могло, конечно, представлять значительную опасность для зданія.

Устранивъ этотъ неудобный способъ подъема, я остановился на мысли о возможности поднимать балки снаружи зданія посредствомъ приспособленія, называемаго „Журавлемъ“. Мысль эту я сообщилъ нашему нарядчику Ѡ. Г. Курганскому, объяснивъ ему техническія подробности этого орудія. Этотъ умный практикъ чрезвычайно удачно выполнилъ задачу—устроивъ огромную составную мачту съ поперечнымъ подвижнымъ рычагомъ, который приводился въ движеніе сильною лебедкою. Всѣ эти семисаженныя балки (всего 400 шт.) благополучно были подняты и уложены на стѣны амфитеатральныхъ аудиторій.

4) Одной изъ важныхъ строительныхъ операций, предстоявшихъ Комитету, было приготовленіе на всѣ зданія оконныхъ переплетовъ, дверей и половыхъ досокъ.

На эту работу Комитетъ случайно приобрѣлъ до 4-хъ тысячъ толстыхъ сухихъ досокъ (плахъ), а подрядчикъ Измайловъ поставилъ 60 человекъ столяровъ. Комитетъ надѣялся, что купленнаго матеріала будетъ вполне достаточно до конца строительнаго сезона; но уже въ половинѣ лѣта Измайловъ заявилъ, что досокъ остается немного и скоро столярамъ нечего будетъ дѣлать.

Положеніе было крайне затруднительное: готовыхъ досокъ у Комитета было болѣе 10 тыс., но сырыхъ, которыхъ въ дѣло употребить было нельзя, купить же сухихъ было негдѣ. Сосредоточивъ все вниманіе на этомъ затрудненіи, я скоро нашелъ выходъ изъ него. Основываясь на томъ явленіи, что въ закрытомъ помѣщеніи нижній слой воздуха всегда холоднѣе,

чѣмъ верхній, я проектировалъ 4-хъ-этажную сушилку, въ которой теплота отъ установленныхъ печей распредѣлялась приблизительно такъ: внизу $t^{\circ} 22 - 25^{\circ}$, а вверху до 90° . Въ нижнемъ этажѣ доски проваливались, а затѣмъ перемѣщаемыя въ верхніе этажи онѣ просушивались *постепенно* и почти не расщеливались.

4) Еще одну крупную операцію удалось мнѣ устроить крайне выгодно и благополучно: это—распиловку до 10 тыс. бревенъ на доски, бруски и рѣшетины. Сначала вызваны были вольные пильщики, но явилось ихъ всего 8 паръ, больше въ городѣ не осталось, всѣ разошлись по деревнямъ, явившіеся же, зная, что конкуренціи не будетъ, запросили несуразную цѣну за каждый разъ по 20 коп., т.-е. въ 4 раза болѣе нормальной цѣны. Вслѣдствіе этого я рѣшился использовать трудъ арестантовъ городской тюрьмы, въ которой находилось болѣе 800 человекъ.

Между ними оказалось до 40 чел. настоящихъ пильщиковъ, которые и стали съ удовольствіемъ на работу, а глядя на нихъ, постепенно явились еще многіе желающіе работать, такъ что образовалась артель въ 100 паръ подъ наблюдениемъ опытнаго тюремнаго надзирателя.

Работа закипѣла, и къ концу зимы все предназначенное къ распиловкѣ количество бревенъ было превращено въ подѣлочный матеріалъ и свезено на университетскій дворъ. Арестанты остались крайне довольны заработкомъ, который и былъ имъ записанъ въ расчетной книжкѣ.

и 5) Не могу не упомянуть еще объ одномъ обстоятельстве, которое могло принести большой вредъ Комитету и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи, но замѣченное вовремя быстро было прекращено. Оно состояло въ слѣдующемъ:

Расчетъ съ рабочими производился обыкновенно за каждыя двѣ недѣли по субботамъ. Въ качествѣ оправдательныхъ къ ассигновкамъ документовъ служили требовательныя вѣдомости, которыя по моему распоряженію составлялись, на основаніи ежедневныхъ отмѣтокъ табелиста, бухгалтеромъ Ольшевскимъ. Но въ одну изъ моихъ поѣздокъ для рензій губерніи, дѣлопроизводитель Д. Р. поручилъ составленіе вѣдомости не Ольшевскому, а ученому садоводу С., а самую ассигновку для полученія денегъ изъ казначейства приказалъ написать на свое имя. Въ первыя двѣ недѣли во время моего отсутствія изъ Томска такое нарушеніе порядка одинъ разъ

удалось; но вторичная попытка не имѣла успѣха. Я возвратился изъ поѣздки утромъ рано, именно въ расчетную субботу и немедленно потребовалъ изъ канцеляріи комитета ассигновку съ требовательною вѣдомостью. Разсматривая вѣдомость, я прежде всего обратилъ вниманіе на графу „рабочіе дни“, въ которой рѣшительно противъ всѣхъ болѣе 500 рабочихъ выставлена была цифра 12, что указывало, будто-бы всѣ безъ исключенія рабочіе находились въ теченіе 12 дней на работахъ, при чемъ не было ни прогуловъ, ни заболѣваній. Такая необыкновенная исправность рабочихъ, изъ числа которыхъ многіе по воскреснымъ днямъ неизбежно предавались кутежамъ и въ понедѣльникъ уже не являлись на работу,—вызвала сомнѣніе въ правильности дѣйствій Д. Р. и С.

Въ виду этого, перечеркнувъ крестообразно ассигновку на имя Д. Р. и сдѣлавъ на ней надпись „не числить“, я приказалъ составить ассигновку на мое имя, а затѣмъ по полученіи въ казначействѣ денегъ отправился въ строительную контору лично раздать рабочимъ плату за двѣ недѣли. Приступивъ къ раздачѣ, я прежде чѣмъ выдать деньги спрашивалъ каждого вызваннаго по списку рабочаго, сколько дней онъ работалъ, не было ли прогуловъ и сколько ему причитается. Результаты такихъ опросовъ получились крайне интересные.

Вызываю перваго стоявшаго въ спискѣ каменщика 1-й руки Анкудинова, которому за 12 дней было показано въ спискѣ 30 р. Молчаніе. Повторяю громко: „Петръ Анкудиновъ“. Вышелъ изъ заднихъ рядовъ рабочій и заявилъ, что онъ одноподеревенецъ Анкудинова и знаетъ, что мѣсяца три назадъ Анкудиновъ по болѣзни былъ совсѣмъ уволенъ Комитетомъ отъ работъ и отправленъ на родину, гдѣ вскорѣ и умеръ отъ грудной болѣзни. При дальнѣйшихъ вызовахъ рабочіе большею частью заявляли, что работали всѣ 12 дней, что и подтвердилось отмѣтками табелиста, но многіе чистосердечно признались, что по 2, а иногда и по 3 дня прогуливали; нѣкоторые находились въ больницѣ по недѣлямъ и болѣе, а между тѣмъ показаны работавшими по 12 дней. Всего излишне было показано къ выдачѣ болѣе 500 р., которые, въ случаѣ замедленія моего возвращенія, конечно, не попали бы въ казначейство на возстановленіе кредита, а очутились бы въ карманѣ Шестакова, требовательная же вѣдомость была бы вполне очищена расписками получателей, большею частью неграмотныхъ.

Когда разошлись всѣ рабочіе и въ конторѣ остались только главныя дѣйствующія лица, т.-е. Д. Р. и С. и сверхъ того бухгалтеръ Ольшевскій и табелистъ (фамиліи не помню), я обратился къ Д. Р. съ вопросомъ: извѣстно ли ему, что по высочайшему повелѣнію право установить порядокъ дѣлопроизводства въ Комитетѣ предоставлено мнѣ, что составленіе требовательныхъ вѣдомостей, свѣренныхъ съ отмѣтками табелиста, возложено мною на Ольшевскаго, и если ему все это извѣстно, то на какомъ основаніи онъ дозволилъ себѣ отмѣнить мое распоряженіе.

Д. Р., совершенно растерявшійся, сталъ извиняться, утверждая, что онъ рѣшился поручить С. составленіе вѣдомости по требованію В. М. Флоринскаго, который изъ Казани прислалъ письмо и настаивалъ въ немъ непремѣнно занять С. работой въ канцеляріи, пока по садоводству ему нечего дѣлать, и что составленную С. вѣдомость, къ сожалѣнію, онъ подписалъ, не читая.

Съ С. объясненіе было непродолжительно: только на первый вопросъ онъ признался, что кромѣ общаго списка рабочихъ онъ получилъ отъ бухгалтера и всѣ отмѣтки табелиста; но этими отмѣтками въ бѣловой вѣдомости не пользовался, а проставилъ всѣмъ по 12 рабочихъ дней, причемъ подстрочнаго примѣчанія о смерти Анкудинова не замѣтилъ; въ черновомъ же спискѣ (для себя) табельныя отмѣтки были указаны. На дальнѣйшіе вопросы С. ничего болѣе не отвѣтилъ.

При такомъ положеніи дѣла я объяснилъ:

во-первыхъ, Д. Р. что В. М. Флоринскій имѣетъ извѣстныя права и значеніе, какъ членъ Комитета, *только во время своего пребыванія въ Томскѣ*, при отсутствіи же его въ права и обязанности члена Комитета вступаетъ онъ, Д. Р.: такимъ образомъ Флоринскій изъ Казани распоряжаться дѣлами Комитета права не имѣетъ и приведенная выше ссылка Д. Р. представляется вполне неосновательною. Въ виду этого я предложилъ Д. Р. ни въ какомъ случаѣ не касаться установленнаго мною порядка.

и во-вторыхъ, С.—что совершенное имъ покушеніе на подлогъ съ явно-корыстною цѣлью, не осуществившееся только по независявшимъ отъ него причинамъ, ставитъ меня въ необходимость предложить ему подать завтра же прошеніе объ увольненіи отъ службы Комитету, или быть привлеченнымъ къ слѣдствію и суду по обвиненію въ указанномъ выше преступленіи.

Шестаковъ предпочелъ первое.

Но эта жалкая „панама“ на этомъ не кончилась, а имѣла слѣдующее продолженіе:

Въ половинѣ сентября, т.-е. недѣли чрезъ три послѣ описаннаго случая, по городу въ нѣсколькихъ мѣстахъ разбросаны были подметныя письма, въ которыхъ было сказано: „губернаторъ, если ты не прогонишь Ольшевскаго, то тебѣ—пуля“. Полицеймейстеръ собралъ по городу нѣсколько такихъ писемъ, писанныхъ однимъ, повидимому, дѣтскимъ почеркомъ, и заявилъ, что онъ надѣется раскрыть, кто авторъ этого угрожающаго произведенія, если я разрѣшу ему вытребовать изъ мужской и женской гимназій ученическія тетрадки. Я согласился, но предупредилъ, что разслѣдованіе должно быть произведено совершенно секретно.

Чрезъ нѣсколько дней полицеймейстеръ принесъ подметныя письма и тетрадку ученицы 2 класса С. и объяснилъ, что сличеніе почерковъ неотразимо доказало, что письма и записи тетрадки писаны одною и тою же рукою, что въ виду этого онъ обратился къ начальницѣ гимназій съ просьбою о содѣйствіи къ раскрытію истины, что г-жа Фризель вызвала дѣвочку С., которая сначала повторяла, что она ничего не знаетъ, а потомъ расплакалась и призналась, что дѣйствительно 3 или 4 письма написаны ею по приказанію отца.

Выслушавъ докладъ полицеймейстера, я сказалъ, что дѣло нужно прекратить съ одной стороны потому, что Ольшевскій тутъ ни при чемъ, а съ другой угроза С. вообще не серьезна: кто намѣренъ убить, не станетъ предупреждать, а затѣмъ для С. достаточнымъ наказаніемъ будетъ то общее презрѣніе за то, что онъ рѣшился своего ребенка пустить на путь шантажа. Но вышло не по-моему. Какъ-то узналъ объ этомъ инцидентѣ новый генераль-губернаторъ генераль Мещериновъ, очень встревожился и потребовалъ отъ меня подробныхъ свѣдѣній.

По разсмотрѣніи моего донесенія по этому предмету, Мещериновъ сообщилъ, что онъ не можетъ согласиться съ моимъ мнѣніемъ о прекращеніи дѣла; напротивъ, считая Шестакова вреднымъ для высочайше ввѣреннаго ему края, предложилъ мнѣ выселить С. изъ предѣловъ Западной Сибири.

Такъ, вслѣдъ за М. М. архитекторомъ закончилъ свою карьеру и второй избранникъ Флоринскаго, повидимому, не обладавшаго талантомъ выбирать хорошихъ помощниковъ.

Заканчивая повѣствованіе объ участи моемъ въ постройкѣ зданій университета, въ заключеніе нахожу не лишнимъ упомянуть, что за мое время главное зданіе *вчертъ*, какъ и требовалось по смѣтѣ, было вполне закончено, а два корпуса ботанической и инспекторской закончены чистою отдѣлкою, и въ нихъ уже помѣщались семьи Нарановича и Бѣлявскаго, и сверхъ того на послѣдній 4 годъ наготовлено было огромное количество оконныхъ переплетовъ, дверныхъ полотень, мѣдныхъ и желѣзныхъ приборовъ и болѣе 3.000 великолѣпныхъ изразцовъ, прибрѣтенныхъ мною въ Пермской губерніи для голландскихъ печей.

Но не пришлось мнѣ довести это дѣло до конца вслѣдствіе семейной катастрофы, о которой будетъ сказано ниже.

Переходя теперь къ изложенію моей административной дѣятельности, нахожу необходимымъ повторить, что Томская губернія въ то время находилась въ дореформенномъ положеніи и что присущія этому положенію разныя неблаговидныя явленія широко процвѣтали въ ней. Особенно отличались въ этомъ отношеніи: губернское правленіе, казенная палата, уѣздные суды и полиція. Отраднымъ исключеніемъ представлялись только во 1-хъ) врачебная управа, которою руководилъ д-ръ Маткевичъ, широко образованный человѣкъ и замѣчательный окулистъ; и во 2-хъ) губернской судъ, личный составъ котораго по образованію и нравственнымъ качествамъ вполне соответствовалъ своему назначенію.

Неудовлетворительное состояніе перечисленныхъ выше учреждений вызывалось, главнымъ образомъ, нищенскими окладами содержанія чиновниковъ, изъ коихъ старшіе, одни—негласно пристраивались къ крупнымъ, многомилліоннымъ конкурсамъ, отъ которыхъ къ концу не оставалось ничего кромѣ десятковъ пудовъ исписанной бумаги (Гороховской конкурсъ), другіе—всячески покровительствовали богатымъ скопцамъ и бывшимъ откупнымъ героямъ, а нѣкоторые—просто дѣлали займы, конечно, безъ отдачи, т.-е. брали замаскированныя взятки; прочіе же чины (*dii minores*) или добивались какихъ-либо постороннихъ занятій (страх. агентуры и проч.) или прибѣгали къ недозволеннымъ способамъ увеличенія своихъ средствъ.

Признавая, съ одной стороны, что суровыя наказанія за разные проступки и преступленія, подобные указаннымъ выше, почти никогда не достигаютъ цѣли, побуждая только изощряться въ способахъ хоронить концы въ воду, я ограничусь

примѣненіемъ высшаго административнаго взысканія только къ утратѣ умышленной дѣль слѣдственно-уголовныхъ и вексельныхъ, что издавна составляло специфическое зло Томской губерніи. Мой циркуляръ по этому предмету имѣлъ несомнѣнный успѣхъ, такъ какъ въ теченіе трехъ лѣтъ моего управленія только одно вексельное дѣло было умышленно скрыто, за что подкупленный чиновникъ и понесъ заслуженную кару.

Съ другой стороны, такое положеніе дѣла, конечно, не могло быть признаваемо нормальнымъ и прямо указывало на необходимость увеличенія содержанія чиновниковъ, т.-е. на измѣненіе крайне устарѣвшихъ штатовъ¹⁾. Въ виду этого при первомъ же приѣздѣ въ Петербургъ я подробно доложилъ министру внутр. дѣлъ графу Лорисъ-Меликову о крайне неудовлетворительномъ матеріальномъ положеніи чиновниковъ Томской губерніи и просилъ разрѣшенія внести проектъ увеличенія штатовъ. Министръ отвѣтилъ, что онъ вполне признаетъ справедливость моего ходатайства, но, въ виду затруднительнаго положенія государственнаго казначейства, онъ впередъ знаетъ, что министръ финансовъ рѣшительно не согласится ни на какое увеличеніе, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время уже опредѣлился полный неурожай въ поволжскихъ губерніяхъ, что вызоветъ огромныя затраты казны на обсѣмененіе полей, а быть можетъ и на продовольствіе жителей.

Примѣчаніе. Измѣненіе штатовъ послѣдовало чрезъ 6 или 7 лѣтъ.

Не болѣе счастливъ былъ я и у другого министра графа Воронцова-Дашкова. Я доложилъ ему, что административныя и судебныя учрежденія Томской губерніи крайне обременены разборомъ многочисленныхъ аграрныхъ споровъ и уголовныхъ преступленій, происходящихъ въ районѣ вѣдомства кабинета его величества. Во многихъ случаяхъ путемъ инструментальнаго измѣренія администраціей было установлено, что межеваніе Алтайскаго округа въ 20-хъ годахъ прошедшаго столѣтія было произведено до такой степени неправильно, что даже страны свѣта на планахъ показаны обратно (S вмѣсто N) или вовсе не показаны, а живыя урочища, находившіяся въ дѣйствительности далеко отъ двухъ сосѣднихъ участковъ, нанесены на планъ какъ граничныя. Это вызывало множество

¹⁾ Окружный (уѣздный) судьи получалъ 50 р. въ мѣсяцъ, члены суда и стряпчій по 37 р. 50 к., столоничальники по 28 р., помощники еще меньше, о канцелярскихъ чиновникахъ и говорить нечего.

Въ полнейскихъ учрежденіяхъ такіе же оклады.

недоразумѣній и даже безпорядковъ. Не говоря уже о томъ, что старожилы постоянно захватывали свободныя, т. е. кабинетскія земли, но они продавали эти земли повоселамъ, въ видѣ пріемныхъ приговоровъ по 125 руб. съ семейства и съ обязательствомъ отправлять вмѣсто нихъ дорожную повинность. Устранить такое положеніе возможно только путемъ новаго межеванія, назначивъ для этого 4 партіи по числу уѣздовъ, въ коихъ находятся земли кабинета (всего свыше 40 милліоновъ десятинъ), и можно надѣяться, что въ теченіе 10 лѣтъ все было бы приведено въ должный порядокъ.

Выслушавъ мой докладъ, графъ сказалъ, что все это было бы желательно, но для осуществленія такого предпріятія въ настоящее время нѣтъ средствъ.

Совершенно по инымъ мотивамъ отнесся отрицательно къ моему представленію министръ финансовъ Бунге. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ:

Туркестанскій генераль-губернаторъ Кауфманъ обратился ко мнѣ съ просьбой сдѣлать распоряженіе о производствѣ обыска у томскаго купца Егора Петровича Исаева и объ отсылкѣ къ слѣдователю, полковнику Путинцеву, всѣхъ документовъ, касающихся постройки и оборудованія въ городѣ Ходжентѣ заводовъ Исаева виннаго и стекляннаго. При этомъ генераль Кауфманъ объяснилъ, что въ 1880 году кокандцы, тогда еще пользовавшіеся самостоятельностью, совершили разбойничій набѣгъ на гор. Ходжентъ и ограбили у разбѣжавшихся жителей имущество, узнали скотъ и лошадей, а всѣ строения разрушили, въ томъ числѣ сожгли оба завода Исаева.

Но воспользоваться добычей кокандцамъ не удалось, такъ какъ командированный подъ предводительствомъ полковника Скобелева казачій отрядъ настигъ ихъ, разбилъ наголову, отобралъ награбленное и наложилъ крупную контрибуцію. На счетъ этой контрибуціи генераль Кауфманъ призналъ справедливымъ вознаградить пострадавшихъ отъ набѣга жителей, о чемъ населеніе Ходжента и было оповѣщено, съ предупрежденіемъ однако, что убытки должны быть показаны въ размѣрѣ ихъ дѣйствительной стоимости и съ приложеніемъ, по возможности, оправдательныхъ документовъ.

Впослѣдствіе этого объявленія управляющій ходжентскими заводами Исаева въ прошеніи своемъ заявилъ, что сооруженіе виннаго завода обошлось въ 17 т. р., а стекляннаго— 5 тыс. р.

На этомъ прошеніи ген. Кауфманъ положилъ такую резолюцію:

„Винные заводы не значатся въ списокѣ тѣхъ *полезныхъ* предприятий, на устройство которыхъ сдѣланъ былъ мною вызовъ желающихъ, и потому назначать вознагражденіе за винный заводъ Исаева, непризнаваемый мною полезнымъ для края, не нахожу возможнымъ. За стеклянный же заводъ вознагражденіе назначаю въ суммѣ, опредѣлившейся по проверкѣ документовъ и согласно ходатайству просителя, т.-е. 5 тысячъ руб.

Когда резолюція стала извѣстна Исаеву, онъ прислалъ изъ Томска прошеніе, въ которомъ заявилъ, что управляющій его заводами по неопытности и неимѣнію *всѣхъ*, относящихся къ заводамъ, документовъ, неправильно опредѣлилъ оцѣнку ихъ: винный заводъ—въ 17 тыс., а стеклянный—въ 5 тыс. Напротивъ, по книгамъ и документамъ главной его, Исаева, конторы значится, что постройка съ оборудованіемъ виннаго завода обошлась всего въ 12 тыс., а стекляннаго—въ 38 тыс., въ каковой суммѣ (всего 50 тыс.) онъ и проситъ выдать ему вознагражденіе.

Въ виду такого рѣзкаго противорѣчія въ заявленіяхъ по одному и тому же предмету, генераль Кауфманъ поручилъ полковнику Путинцеву произвести формальное слѣдствіе, а меня просилъ, какъ сказано выше, сдѣлать распоряженіе о производствѣ обыска въ главной конторѣ Исаева въ Томскѣ.

Обыскъ, произведенный полицеймейстеромъ Чижомъ, вполне подтвердилъ явную несостоятельность домогательства Исаева, такъ какъ найденные въ его главной конторѣ подлинныя счета и другіе документы во всемъ соотвѣтствовали заявленію управляющаго ходжентскими заводами, опредѣлившаго ихъ стоимость въ 17 т. и въ 5 тыс. Но вмѣстѣ съ тѣмъ при обыскѣ были обнаружены какіе-то странные документы (счета, расписки, отчеты и др.), по которымъ стоимость стекляннаго завода исчислялась Исаевымъ уже не въ 5 тыс. и не въ 38 тыс., а равнялась будто бы 175 тыс. руб.!.....

Объясненіе этой странности заключалось въ оттискѣ письма (въ копировальной книгѣ) Исаева къ управляющему Томскою казенною палатою А. и отвѣтъ послѣдняго Исаеву.

Исаевъ сообщилъ, что генераль-губернаторъ Кауфманъ приказалъ произвести слѣдствіе о заводахъ, и онъ, Исаевъ, не знаетъ, что теперь дѣлать! На это А. отвѣтилъ слѣдующее:

„Любезный другъ Егоръ Петровичъ. Заводы въ жизни чело-
вѣка горятъ единожды, и нужно быть дуракомъ, чтобъ при
такой оказіи не считать съ казны сотни двѣ тысячъ. Хотя
ты заявилъ за стеклянный заводъ только 38 тыс., но теперь
смѣло заявляй, что ты предположилъ заводъ расширить и
сдѣлать уже обширную подготовку (машины, специалисты-
мастера и проч.) и немедленно составляй соответственные
документы“.

(Подписано). Твой весь А.

Обсудивъ это новое и совершенно неожиданное обстоя-
тельство (письмо А.), я пришелъ къ заключенію, что не имѣю
права скрыть предъ министромъ финансовъ, что высшій пред-
ставитель финансовыхъ интересовъ въ губерніи внушаетъ зар-
вавшемуся бывшему откупному герою Исаеву, что казну нужно
ограбить на 200.000 руб., и научаетъ, какъ это слѣдуетъ сдѣ-
лать, а именно—составить подложные документы.

Поэтому, въ виду разрѣшеннаго мнѣ приѣзда въ Петер-
бургъ, я рѣшился документально ознакомить министра финан-
совъ Бунге съ крайне предосудительною дѣятельностью Ги-
лярова, настоятельно вызывающею необходимость строгой
всесторонней ревизіи.

Докладъ мой министру продолжался всего четверть часа,
при чемъ Бунге предложилъ мнѣ только одинъ вопросъ:
„дѣйствительно ли это письмо собственноручное А.“? Остав-
ляя въ сторонѣ грубость и несуразность этого вопроса,
я отвѣтилъ, что письмо несомнѣнно собственноручное и что
въ этомъ можно хоть сегодня удостовѣриться въ канцеляріи
и департаментахъ министерства, такъ какъ тамъ имѣется
множество автографовъ А.. На удивленіе, выразившееся
на лицѣ Бунге, я объяснилъ, что А. усвоилъ привычку
почти къ каждой сколько-нибудь серьезной бумагѣ дѣлать
въ концѣ собственноручную приписку своимъ характернымъ
полууставнымъ почеркомъ для того, какъ онъ заявлялъ не-
рѣдко, чтобъ тамъ (въ министерствѣ) не подумали, что я
подписываю бумаги, не читая.—Въ заключеніе Бунге просилъ
меня передать записку и подлинное письмо временному
директору канцеляріи, Дмитрію Аркадьевичу Тимирязеву,
къ которому я прямо отъ министра и отправился. Объяснивъ
Тимирязеву (товарищу моему по Нѣжинской гимназіи и Кіев-
скому университету) существо дѣла, я передалъ ему прика-

заніе министра доложить это дѣло въ непродолжительномъ времени. Но, къ удивленію моему, Тимирязевъ заявилъ, что онъ калифъ на часъ и не находитъ удобнымъ впутываться въ такое дѣло; скоро возвратится изъ отпуска директоръ Мицкевичъ, пусть онъ и докладываетъ.

Мицкевичъ, вызвавъ А. въ Петербургъ, послѣ личныхъ объясненій, придалъ письму видъ шутки и... съ миромъ отпустилъ А. въ Томскъ, вручивъ ему его скандальное письмо.

Невольно напрашивается вопросъ: шутка ли это была или что иное?

Переходя къ изложенію другихъ явленій жизни губерніи, я остановлюсь только на болѣе характерныхъ, съ которыми мнѣ приходилось считаться.

Арестантская рота.

По мысли законодателя арестантскія роты должны были служить достиженію цѣли исправленія людей, впадшихъ по своимъ ли порочнымъ наклонностямъ или по стеченію неблагоприятныхъ обстоятельствъ въ менѣе тяжкія преступленія. Предполагалось, что цѣль будетъ достигаться, съ одной стороны, лишеніемъ свободы на опредѣленный судомъ срокъ, а съ другой—принудительными работами, строгимъ режимомъ и религіозно-нравственными постановленіями. Конечно, всѣ эти мѣры хороши сами по себѣ, но при одномъ существенномъ условіи—нормальнаго питанія людей, лишенныхъ свободы и обязанныхъ ежедневно произвести извѣстное количество тяжелой работы. Къ сожалѣнію, это условіе отсутствовало: арестанты жили впроголодь и оттого часто хворали, изъ-за упадка силъ плохо работали, иногда оказывали неповиновеніе и вообще ожесточались противъ начальства. Все это мнѣ было давно извѣстно по прежней службѣ и все только въ большей степени оказалось и въ Томскѣ.

По вступленіи въ управленіе, я приказалъ смотрителю арестантской роты представить мнѣ мѣсячную вѣдомость о личномъ составѣ, о произведенныхъ арестантами казенныхъ и частныхъ работахъ и о вырученныхъ деньгахъ. Обративъ вниманіе на весьма значительную цифру побѣговъ за истекшій мѣсяцъ, я спросилъ: отчего бѣгутъ не только тѣ арестанты, которымъ еще долго приходилось быть въ ротѣ, а и тѣ, коимъ до окончанія срока оставалось всего 4 мѣсяца, какъ напр., показанный въ вѣдомости Никита Сидоровъ? Смотри-

тель отвѣтилъ, что, съ одной стороны, составъ надзирателей въ ротѣ недостаточенъ, такъ что при отправкѣ арестантовъ на городскія работы въ числѣ 15—20 чел. приходится командировать только одного надзирателя, которому физически невозможно услѣдить за всѣми 20 арестантами, а съ другой—какъ только время подходитъ къ веснѣ, то у нѣкоторыхъ арестантовъ появляется какое-то безпокойство, бессонница и вообще явное болѣзненное состояніе, которое докторъ называетъ „носталгіей“, и вотъ, такіе неудержимо стремятся убѣжать, несмотря ни на что.

Объясненіе смотрителя, хотя и довольно правдоподобное, показалось мнѣ не вполне удовлетворительнымъ, и я предупредилъ, что скоро самъ побываю въ ротѣ и посмотрю, какъ живутъ арестанты.

Черезъ нѣсколько дней я отправился въ роту, и какъ только вошелъ въ корридоръ, какъ былъ пораженъ необычнымъ зловоніемъ и спросилъ, вѣроятно, лопнула фановая труба? но получилъ въ отвѣтъ, что это арестанты обѣдаютъ и что зловоніе происходитъ отъ арестантскаго „приварка“, т.-е. щей, разносившихся въ ушатахъ изъ кухни во всѣ этажи на обѣдъ арестантамъ. Конечно, я поинтересовался узнать, изъ какихъ же продуктовъ готовились щи, отъ которыхъ у свѣжаго человѣка вызывались головокруженіе и тошнота?

Оказалось, что, такъ какъ изъ казны на содержаніе роты деньги отпускались только на хлѣбъ, приварокъ же относился на заработную сумму, а таковой въ кассѣ всегда было недостаточно, чтобъ приобрѣтать доброкачественные продукты, то по печальной необходимости вошло въ обычай посылать арестантскаго старосту съ подручнымъ собирать подаяніе. Староста обходилъ мясныя и зеленныя лавки для сбора пожертвованій, которыя состояли исключительно изъ гнилой капусты, долго-лежалыхъ бычачьихъ лбовъ и хвостовъ и соли. Приготовленная изъ такого матеріала щи, помимо одуряющей вони, хотя и производили ощущеніе полноты желудка, но въ смыслѣ питанія были совершенно ничтожны и вызывали постоянное ощущеніе голода, сильную худобу, упадокъ силъ, частыя желудочныя заболѣванія и... неудержимое стремленіе къ побѣгу. „Голодъ не тетка“, говоритъ пословица.

Хотя надъ арестантскою ротою поставлены были попечители—уже упомянутый выше Дмитріевъ - Мамоновъ и французскій еврей Александръ Жилль,—которые обязаны были заботиться о возможно удовлетворительномъ продовольствіи

арестантовъ, но никакой заботы, никакого попеченія, очевидно, о ротѣ они не прилагали, и для меня было ясно, что рассчитывать на полезное содѣйствіе ихъ на улучшение продовольственной части роты было бы совершенно напрасно. Возбуждать предъ министромъ ходатайство объ увеличеніи кормового довольствія, очевидно, было бы бесполезно,—получился бы отказъ, опять-таки, по причинѣ затруднительнаго „положенія государственнаго казначейства“. Да если бы на ходатайство и послѣдовалъ благоприятный отвѣтъ, то могъ бы онъ придти въ Томскъ чрезъ полгода, а то и чрезъ годъ. Между тѣмъ продолжать поддерживать кормленіе людей описанною выше мерзостью было не только зазорно для администраціи, но и опасно для города и окрестностей, потому что вслѣдствіе голоданія побѣги продолжались и вмѣстѣ съ тѣмъ участились случаи воровства и грабежей.

Въ виду такого положенія я распорядился организовать крупныя работы арестантскимъ трудомъ для университета, какъ-то: земляныя (рытье канавъ подъ фундаменты), поковочныя (желѣзныя связи, штыри, проухи и стропильныя скобы), катальныя, о коихъ сказано выше въ описаніи лѣсной операци и, наконецъ, кирпичныя, для университетскаго завода. Для руководства кузнечными и слесарными работами, требовавшими извѣстной точности, мнѣ удалось пріискать опытнаго и добросовѣстнаго техника, который менѣе чѣмъ въ полгода основательно обучилъ нѣсколько десятковъ кузнецовъ и человекъ пять слесарей¹⁾.

Заработная плата арестантамъ назначена была такая же, какъ и вольнымъ рабочимъ, но съ тѣмъ, что, за отчисленіемъ извѣстной части въ казну, остальные деньги поступали въ общую артельную приварочную сумму, на счетъ которой староста пріобрѣталъ не гнилую капусту и разлагавшіяся лбы и хвосты, а свѣжее мясо, крупу, лукъ, картофель и проч.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ объясненнаго распоряженія было полное прекращеніе побѣговъ и уменьшеніе воровства въ Томскѣ, замѣтно также было нѣкоторое улучшеніе санитарнаго состоянія роты, какъ удостовѣрялъ неоднократно инспекторъ врачебной управы.

¹⁾ Вслѣдствіе этого техника основалъ собственное значающее заведеніе, и нѣкоторые изъ его учениковъ-арестантовъ, отбывъ свои сроки въ ротѣ, устроились у него въ качествѣ опытныхъ мастеровъ.

Женщины-бродяги и законъ 17 апрѣля 1863 г.

Въ дореформенное время полиція была не только распорядительнымъ установленіемъ, но по нѣкоторымъ дѣламъ (напр. о бродягахъ) она представлялась судебнымъ органомъ и постановляла свои рѣшенія коллегіально по такъ называемой „полицейской расправѣ“. При задержаніи бродягъ отъ нихъ отбирались показанія, которыя въ общемъ были одинаковы, но различались только по времени задержанія. Если бродяга былъ арестованъ осенью, когда наступали уже холода, и ему нужно было спастись на казенной квартирѣ отъ холода и голода, онъ обыкновенно заявлялъ на допросѣ, что проживалъ въ такой-то *далней* губерніи, питаясь мірскимъ подаяніемъ, не совершилъ тамъ ничего преступнаго, за безписьменность былъ арестованъ (напр.) въ гор. Харьковѣ, но изъ камеры судебного слѣдователя успѣлъ убѣжать и добрался до такой-то волости въ Сибири, гдѣ и задержанъ. Давая такое показаніе, бродяга хорошо зналъ, что пройдетъ осень и зима, пока изъ далекаго Харькова или Екатеринослава будутъ получены объ немъ отрицательныя справки и затѣмъ состоится напередъ ему извѣстное рѣшеніе, что такъ какъ показаніе его справками не подтвердилось, то, признавая его бродягою, упорно скрывающимъ свое родоприсхождение, полицейская расправа постановляетъ: сослать его въ мѣста болѣе отдаленныя; не лишая его правъ, какъ уже ранѣе лишеннаго таковыхъ, но предварительно подвергнуть наказанію
 ударами ¹⁾ плетей. А затѣмъ онъ былъ увѣренъ, что при движеніи партіи пѣше-эталнымъ порядкомъ по крайне пересѣченнымъ горнымъ и лѣснымъ мѣстностямъ, при первомъ удобномъ случаѣ онъ изъ партіи убѣжитъ и цѣлое лѣто будетъ наслаждаться свободой по лѣсамъ и полевымъ избушкамъ, питаясь мірскимъ подаяніемъ. Если же задержаніе случилось ранней весной, то онъ обыкновенно признается, что онъ бродяга, непомнящій родства, нигдѣ за знамобѣглаго не проживалъ и проч. О такомъ бродягѣ собирать справокъ не было надобности, и рѣшеніе полицейской расправы, подобное приведенному выше, составлялось безъ замедленія.

Въ числѣ многихъ такихъ постановленій, которыя мнѣ предстояло утверждать и собственноручно вписывать въ про-

¹⁾ Отъ 20 до 30.

бѣлъ число ударовъ плетей, попало одно рѣшеніе о бродягѣ Еленѣ, непомнящей родства, и ее тоже въ этомъ рѣшеніи предположено было „подвергнуть наказанію ударами плетей“. Усомнившись въ правильности этого рѣшенія, я позвалъ начальника судебного отдѣла канцеляріи губернатора и спросилъ:

— Развѣ ему неизвѣстно, что еще 17-го апрѣля 1863 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для женщинъ?

Онъ отвѣтилъ, что это повелѣніе ему извѣстно, но оно касается только женщинъ свободнаго состоянія, а не бродягъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія; затѣмъ онъ прибавилъ, что мой предшественникъ входилъ въ сношеніе по этому вопросу съ сосѣдними сибирскими губернаторами, которые отвѣтили, что и они въ такомъ же смыслѣ понимаютъ повелѣніе 17 апр. 1863 г. и потому къ женщинамъ-бродягамъ неукоснительно примѣняютъ наказаніе 20 ударами плетей.

Признавъ такое толкованіе совершенно произвольнымъ, потому что въ высочайшемъ повелѣніи, отмѣнившемъ тѣлесное наказаніе женщинъ, не сдѣлано никакого различія между женщинами свободными и безправными, я разъяснилъ начальнику судебного отдѣла, что какой бы проступокъ ни совершила женщина, изъ-за котораго утратила свои гражданскія права, существо ея природы не измѣнится, она останется тою же, какъ и до проступка. Слѣдовательно, не полноправіе или безправіе вызвало изданіе этого закона, а самая природа женщины и присущія ей условія: стыдливость и возможность беременности, которую всегда слѣдуетъ предполагать, сознавая, что тѣлесное наказаніе поражаетъ не только женщину-бродягу, но и находящееся въ ея утробѣ существо; и если сама женщина перенесетъ наказаніе, то плодъ будетъ несомнѣнно убитъ.

Въ виду этого я призналъ, что ограничительное толкованіе означеннаго закона, произвольно лишившее женщинъ-бродягъ гуманнаго и справедливаго отношенія къ нимъ законодателя, не имѣло никакого основанія.

Поэтому я приказалъ на будущее время въ постановленіяхъ „полицейской расправы“ о женщинахъ-бродягахъ не помѣщать вышеприведенныхъ словъ: „но предварительно подвергнуть ихъ наказанію ударами плетей“, а ограничиваться только указаніемъ о водвореніи ихъ въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ.

Спустя 15 или 16 лѣтъ и Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что законъ 17 апр. 1863 г. объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній женщинъ относится безусловно къ женщинамъ вообще, въ томъ числѣ и къ лишеннымъ правъ состоянія.

Владимірскій дѣтскій пріютъ.

За 18 лѣтъ до вступленія моего въ управленіе губерніей, въ Томскѣ, по случаю сильной эпидеміи тифа въ пересыльной тюрьмѣ, экстренно основанъ былъ пріютъ для арестантскихъ дѣтей, родители коихъ умерли въ этой тюрьмѣ. Инициатива основанія пріюта принадлежала женѣ губернатора Аделаидѣ Алексѣевнѣ Родзянко, а къ ней на помощь пришла жена потомственного почетнаго гражданина Алевтина Петровна Михайлова, пожертвовавшая для пріюта обширный участокъ земли на окраинѣ города съ очень хорошимъ двухъэтажнымъ домомъ. Впослѣдствіи она же, Михайлова, построила обширное отдѣленіе съ мастерскими для мальчиковъ, церковь и разныя службы. Въ первое время въ пріютъ помѣщались дѣйствительно только арестантскія дѣти—круглыя сироты, и на содержаніе ихъ деньги, по 10 коп. въ день, требовались изъ казны, съ прибавкой небольшой суммы ежемѣсячно на администрацію. Но впослѣдствіи пріютское попечительство стало принимать сиротъ и полусиротъ, родители коихъ принадлежали къ разнымъ свободнымъ сословіямъ, и такихъ было втрое больше; при чемъ и на этихъ дѣтей (отъ 65 до 80 чел.) и на увеличенную администрацію, а также ремонтъ зданій, деньги требовались тоже изъ казны. Всего въ годъ на пріютъ расходовалось отъ 8 до 10 тыс. руб.

На первыхъ порахъ и я подписалъ двѣ ассигновки на отпускъ денегъ на содержаніе пріюта. Но затѣмъ при ближайшемъ ознакомленіи съ дѣлами пріюта выяснилось, что на учрежденіе пріюта не было своевременно испрошено разрѣшенія правительственной власти, слѣдовательно, онъ существовалъ безъ всякаго законнаго основанія; что если до нѣкоторой степени можно было оправдать требованіе изъ казны денегъ собственно на арестантскихъ сиротъ, то никакого права попечительство не имѣло посылать свои требованія и на содержаніе остальныхъ дѣтей свободныхъ сословій. Въ виду этого я поставленъ былъ въ прискорбную необходимость требованіе отпуска денегъ на пріютъ прекратить.

Но упразднить, закрыть пріютъ съ его 120-ю питомцами, конечно, было немыслимо. Озабочиваясь поэтому дальнѣйшею судьбой пріюта, я созвалъ въ засѣданіе членовъ пріютскаго попечительства и предложилъ имъ обсудить хотя не новое, но давно забытое ими, положеніе пріюта. При этомъ я объяснилъ, что не считаю это положеніе совсѣмъ безнадежнымъ, такъ какъ предусматриваю возможность выхода изъ этого затрудненія, только не теперь немедленно, а чрезъ годъ или нѣсколько болѣе, потому что по вопросу о легализаціи пріюта потребуется сношеніе съ Петербургомъ.

Въ этомъ засѣданіи вопросъ остался открытымъ. Но вечеромъ того же дня ко мнѣ пришелъ одинъ изъ членовъ попечительства, Андрей Николаевичъ Пастуховъ, и заявилъ, что если основательница пріюта, Алевтина Петровна Михайлова, откажется отъ содержанія его, то онъ, Пастуховъ, готовъ взять эту обязанность на себя въ теченіе года или болѣе, сколько будетъ нужно. „Меня побуждаетъ“, сказалъ Андрей Николаевичъ, „какъ жалость къ этимъ крошкамъ, изъ которыхъ выйдутъ, быть можетъ, хорошіе люди, такъ особенно опасеніе, что на насъ, членовъ попечительства, обрушится неудовольствіе городского общества, если съ любимымъ, дорогимъ пріютомъ случится какое-либо неблагополучіе“.

Я былъ глубоко тронутъ этимъ великодушнымъ порывомъ простого русскаго челоуѣка и горячо поблагодарилъ его.

Жертва Пастухова, однако же, не потребовалась, потому что А. П. Михайлова письменно заявила, что она будетъ содержать пріютъ до окончательнаго разрѣшенія его судьбы.

Мой планъ заключался въ томъ, чтобы передать пріютъ въ вѣдомство учрежденій императрицы Маріи, что предоставляло бы пріютскому попечительству право устраивать въ пользу пріюта разныя увеселенія съ *лотерей-аллеми*, весьма любимой томскими жителями и всегда имѣвшей хорошій успѣхъ. Но для достиженія этой цѣли необходимо было составить для пріюта болѣе или менѣе значительный капиталъ, такъ какъ упомянутое вѣдомство неохотно принимало подъ свое покровительство благотворительныя учрежденія, у которыхъ не было солиднаго обезпеченія.

На мой призывъ къ пожертвованіямъ на пріютъ первымъ откликнулся Андрей Николаевичъ Пастуховъ, представившій мнѣ въ $0 \frac{0}{10}$ -ныхъ бумагахъ пятитысячный взносъ, предоставившій званіе *пожизненнаго почетнаго* члена съ правами, указанными въ высочайше утвержденномъ Положеніи о вѣдомствѣ

учрежденій императрицы Маріи. Вслѣдъ за Пастуховымъ такіе же взносы (по 5 тыс.) представили: Ѳ. Х. Пушниковъ, Е. Н. Кухтеринъ, Никита Нестеровичъ Вяткинъ и С. С. Валгусовъ. Нѣкоторые же лица пожелали быть только *временными* почетными членами и внесли по 250 руб. въ годъ. Такихъ было въ первый годъ 5 человекъ. Всего было собрано съ менѣе значительными суммами болѣе 30 тыс. руб., что съ прежнимъ капиталомъ пріюта (18 т.) и $\frac{0}{0}\frac{0}{0}$ составило до 54 тыс. руб.

Представленіе мое о принятіи пріюта въ вѣдомство учрежденій императрицы Маріи и о наименованіи пріюта Владимірскимъ въ память посѣщенія въ 1868 г. великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ было высочайше утверждено въ сентябрѣ 1881 г., а 30-го декабря того же года въ первый разъ на законномъ основаніи устроена была въ военномъ манежѣ лотерея-аллегри и маскарадъ, давшіе болѣе 6 тыс. руб. чистаго дохода.

Сообщивъ здѣсь краткую исторію Владимірскаго пріюта, я былъ бы несправедливъ умолчать о многолѣтней дѣятельности главной смотрительницы пріюта, Маріи Александровны Тепловой. Она принадлежала къ почтенному семейству въ Тобольскѣ, и въ томъ же городѣ окончила полный курсъ Маріинской женской гимназій (вѣдомства учрежденій императрицы Маріи) со званіемъ домашней наставницы. Приглашенная въ Томскъ на означенную должность, она отказала нѣсколькимъ женихамъ и всецѣло посвятила себя въ теченіе болѣе 30 лѣтъ Владимірскому пріюту. Это была высокая, стройная женщина, всегда тщательно, хотя скромно одѣтая, привѣтливая, но немногорѣчивая; ея отвѣты были обстоятельны, а распоряженія—кратки и ясны. Въ дѣлѣ воспитанія она стояла на вполнѣ правильной почвѣ: изъ ввѣренныхъ ей дѣтей она не готовила для самостоятельной жизни барышень и баричей; напротивъ, она заботилась, во-первыхъ, чтобы воспитанники и воспитанницы были всѣ грамотны, а потомъ приучала дѣтей съ 6—7-лѣтняго возраста постепенно къ работамъ домашняго обихода, начиная съ уборки комнатъ, мытья половъ, услугъ въ кухнѣ, и доводя дѣвочекъ до болѣе сложныхъ занятій вязаньемъ, шитьемъ и кройкой, а мальчиковъ—столярнымъ и сапожнымъ мастерствомъ. Санитарная сторона пріюта, къ которой Марія Александровна относилась съ самымъ пристальнымъ вниманіемъ, находилась въ весьма удовлетворительномъ состояніи. При малѣйшемъ подозрѣніи, что у кого-либо изъ дѣтей появлялось сомнительное недомоганіе или сыпь, боль-

ной ребенокъ немедленно отдѣлялся въ особую камеру, а инспектору врачебной управы, доктору Маткевичу, посылалось приглашеніе; затѣмъ по прибытіи его принимались соответственныя мѣры. За мое время въ теченіе 3 лѣтъ одиночные случаи заразныхъ болѣзней были, но повальныхъ не было.

Да, много добра и счастья принесла эта хорошая женщина сотнямъ своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ.

Духовенство и сектанты.

Выше было сказано, что, прослуживъ почти 20 лѣтъ въ вѣдомствѣ государственнаго контроля, я повсе не соприкасался съ политической стороною положенія дѣлъ въ Россіи и Сибири и мало ее зналъ. Здѣсь я долженъ сказать, что и съ духовнымъ вѣдомствомъ по службѣ не имѣлъ никакихъ отношеній и только смутно зналъ, что отношенія администраціи и епархіальнаго вѣдомства въ Томской губерніи были нѣсколько натянутыми.

Но когда чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я достаточно ознакомился съ разными сторонами предстоявшей мнѣ задачи, я увидѣлъ, что мнѣ придется вести тяжелую борьбу съ мѣстнымъ епископомъ, привыкнувшимъ при губернаторѣ Супруненкѣ смотрѣть на администрацію, какъ на свою служебную силу, обязанную безпрекословно исполнять всѣ его требованія. Между тѣмъ требованія эти не всегда были законны и разумны, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго:

Весь югъ Томской губерніи былъ густо заселенъ старообрядцами-безпоповцами, переселенными и частью добровольно переселившимися въ разное время изъ Вологодской губерніи. Въ физическомъ и нравственномъ отношеніи люди эти представлялись прямо образцовыми: рослые, могучіе красавцы, абсолютно трезвые, честные, почти всѣ грамотные, исправные плательщики всѣхъ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ налоговъ и повинностей и особенно исправные въ поставкѣ рекрутовъ. Женщины были еще болѣе красивыя, работиція и безукоризненно строгихъ нравовъ. Земли и заливныхъ луговъ въ долинахъ р.р. Чарыша, Бии, Катуни и др. было у старообрядцевъ изобильно, что давало имъ возможность при ихъ необычайномъ трудолюбіи и абсолютной трезвости развить въ широкихъ размѣрахъ хлѣбопашество, скотоводство и коневодство, а многочисленныя липовыя роши въ долинахъ и ущельяхъ Алтая вызвали къ жизни обширное пчеловодство. При такнхъ

условіяхъ матеріальное благосостояніе раскольниковъ постоянно увеличивалось и они становились все болѣе и болѣе богатыми, такъ что въ средѣ православнаго населенія и духовныхъ пастырей возникла къ нимъ зависть и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе такъ или иначе подчинить ихъ духовной власти. Жили раскольники скромно, пропагандой не занимались, никого въ расколъ не совращали. Казалось бы, не къ чему придратъся. Но изобрѣтательный „благочинный“ нашель-таки „пятку Ахиллеса“. Онъ сталъ доносить архіерею, что такіе-то крестьянскіе сыновья, зарегистрированные по метрическимъ книгамъ какъ православные, вступили въ бракъ съ раскольничьими „дѣвками“, но браки эти повѣнчаны не священникомъ въ православной церкви, а въ частныхъ домахъ „по благословенію раскольничьихъ стариковъ“.

Архіерей, поставившій, повидимому, своею главною задачею притѣсненіе раскольниковъ, немедленно обратился къ губернатору Супруненко съ такимъ письмомъ:

„Благочинный (такой-то) донесъ, что крестьянскій сынъ Сидоровъ (православный) сошелся на блудное сожителство съ раскольничьею дѣвкой и, несмотря на увѣщаніе мѣстнаго священника, продолжаетъ сожителствовать съ оною блудницею. А посему въ устраненіе дальнѣйшаго соблазна и разврата, прошу Ваше Пр-во сдѣлать распоряженіе о производствѣ строжайшаго слѣдствія, а между тѣмъ нынѣ же помянутаго Сидорова развести съ названною блудницею; о точномъ же исполненіи сего меня увѣдомить“.

За первымъ письмомъ о Сидоровѣ послѣдовало второе о Карповѣ, затѣмъ объ Ивановѣ и такъ далѣе, до 16 или 17 писемъ. Каждый разъ губернаторъ предписывалъ исправнику исполнить требованіе архіерея, но прибавлялъ—если не встрѣтится законнаго препятствія. Исправникъ предписывалъ о томъ же земскому засѣдателю (становому), а тотъ—волостному правленію. Правленіе, въ свою очередь, вызывало Сидоровыхъ, Карповыхъ и др., объявляло имъ предписаніе и отбирало отъ нихъ подписку въ томъ, что предписаніе имъ объявлено и что они обязываются въ точности его исполнить.

Исполняли они обыкновенно такъ: разъѣзжались—или—вѣриѣ—расходились каждый къ своимъ родителямъ на 2—3 дня, а затѣмъ снова сходились въ своемъ домѣ. Это волостной писарь имъ подшепнулъ, что ни въ письмахъ архіерея, ни въ предписаніяхъ губернатора не сказано: „развести навсегда“. Получилась какая-то нелѣпая игра, продолжавшаяся

около двухъ лѣтъ, увы! ничего не прибавлявшая къ увеличенію престижа духовной и свѣтской власти.

Наконецъ, архіерей, подстрекаемый доносами благочиннаго, обратился съ угрозою къ губернатору: если его требованія не будутъ исполнены немедленно, то онъ будетъ поставленъ въ необходимость обо всемъ довести оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцеву.

Угроза подѣйствовала. Супруненко зналъ, что такое все-сильный Константинъ Петровичъ, и поторопился предписать исправнику безотлагательно разлучить всѣ 16 (или 17) паръ, размѣстивъ мужчинъ въ одномъ волостномъ правленіи, а женщинъ при другомъ сосѣднемъ, при чемъ предупредилъ, что если это не будетъ исполнено въ теченіе десяти дней, то онъ будетъ уволенъ въ отставку. Распоряженіе было исполнено, но результаты получились, какихъ Супруненко, конечно, не ожидалъ. Еще мужчины размѣстились кой-какъ, частью при волости, а частью у знакомыхъ крестьянъ; но женщины съ грудными и годовалыми ребятами очутились въ отчаянномъ положеніи: цѣлыхъ 3 недѣли ютились онѣ въ одной комнатѣ при волости¹⁾. Тѣснота, духота, паразиты, грязь, тяжелый воздухъ и недостатокъ питанія и движенія сдѣлали свое дѣло: у молодыхъ матерей пропало молоко, грудныя дѣти отъ сырого коровьяго молока заболѣвали кровавой дизентеріей и быстро погибали, появились и другія болѣзни у ребятъ и у взрослыхъ.

Къ счастью, узналъ объ этомъ генераль-губернаторъ Н. Г. Казнаковъ и по телеграфу предписалъ Супруненку отмѣнить незаконное распоряженіе, водворивъ разлученныя пары въ мѣстахъ ихъ постоянного жительства, командировать врача для подачи медицинской помощи и затѣмъ... прислать прошеніе объ отставкѣ.

Казалось бы, грозное распоряженіе Казнакова нанесло косвенно сильный ударъ и архіерею Петру, и можно было ожидать, что онъ прекратитъ наконецъ свои незаконныя требованія о преслѣдованіи старообрядцевъ; но онъ только на 6—7 мѣсяцевъ нѣсколько присмирѣлъ и не бомбардировалъ своими письмами временно управлявшаго губерніей Дмитріева-Мамонова. Когда же я вступилъ въ исполненіе моихъ обязанностей и когда стало извѣстно, что Казнаковъ тяжело захворалъ и увезенъ въ Петербургъ, то вскорѣ архіерей прислалъ мнѣ свое шаблонное письмо съ любезными ему выра-

¹⁾ Такъ называемой „мірской избѣ“.

женіями „блудное сожителство, дѣвка-блудница, развратъ“ и проч. съ требованіемъ назначить строжайшее слѣдствіе и разлучить нынѣ же блудную пару Дмитріевыхъ.

Вмѣсто немедленнаго исполненія этого требованія, я отправился къ архіерею, чтобы личнымъ объясненіемъ поставить вопросъ на ясную почву. Я заявилъ ему, что при разсмотрѣніи вышеупомянутыхъ дѣлъ о разлученіи 16 паръ оказалось, что всѣ мужья отрицали, что они православные, и рѣшительно недоумѣвали, почему они внесены въ церковныя метрическія книги; священникомъ они не были крещены и муропомазаны, у исповѣди и причастія никогда не бывали, а были всегда старообрядцами-христіанами; браки свои признають *христіанскими*, къ которымъ вполне примѣнимъ текстъ Свящ. Писанія: „что сочелъ Богъ, того человекъ да не разлучаетъ“. (Матѣ. 19, 6).

На это мнѣ архіерей сказалъ, что надъ ихъ отцами было совершено таинство брака въ православной церкви, слѣдовательно, и рожденныя въ такихъ бракахъ дѣти, несомнѣнно, должны быть православныя.

Я возразилъ ему, что недостаточно быть рожденнымъ отъ православныхъ родителей, чтобъ считаться православнымъ, а нужно самому быть окрещеннымъ и муропомазаннымъ. При этомъ я прибавилъ, что уже имѣю нѣсколько заявленій о томъ, что многія записи въ метрическихъ книгахъ были сдѣланы *произвольно* безъ совершенія упомянутыхъ таинствъ. Поэтому, прежде чѣмъ исполнить требованіе его, епископа, изложенное въ его послѣднемъ письмѣ, необходимо будетъ выработать юридическія доказательства, что записи въ книгахъ сдѣланы правильно, для чего потребуется войти въ подробное разсмотрѣніе *слѣдственнымъ порядкомъ* метрическихъ книгъ, съ опросомъ подъ присягой восприемниковъ и другихъ лицъ по усмотрѣнію слѣдователя.

Архіерей подумалъ, подумалъ и рѣшилъ оставить это дѣло безъ послѣдствій, о чемъ на другой день и сообщилъ мнѣ письмомъ.

Года черезъ полтора послѣ этого архіерей обратился ко мнѣ съ такимъ требованіемъ:

„Благочинный донесъ, что въ селеніи Озерномъ крестьянинъ Агафоновъ, хотя православный, но причисляющій себя къ раскольникамъ, безъ всякаго повода нанесъ мѣстному священнику на улицѣ оскорбленіе дѣйствіемъ, почему онъ, епископъ, проситъ распоряженія о производствѣ строжайшаго

слѣдствія и о привлеченіи виновнаго къ строжайшей отвѣтственности“.

Слова: „хотя православный, но причисляющій себя къ раскольникамъ“—возбудили сомнѣніе въ томъ, что „безъ всякаго повода“ едва-ли могло быть нанесено оскорбленіе дѣйствіемъ духовному лицу; конечно, поводъ былъ и притомъ, вѣроятно, серьезный.

Остановившись на такомъ предположеніи, я нашелъ нужнымъ прежде назначенія слѣдствія вызвать мѣстнаго исправника, который вскорѣ явился и доложилъ, что о происшествіи въ селѣ Озерномъ онъ получилъ свѣдѣніе на другой день и тогда же выѣхалъ въ это село для производства секретнаго дознанія. Дѣло представилось въ такомъ видѣ:

Крестьянинъ Агафоновъ, очень состоятельный человѣкъ, годъ назадъ женился „по благословенію раскольничьихъ стариковъ“, и молодая жена его скоро должна была родить. Священникъ былъ освѣдомленъ объ этомъ чрезъ одного изъ своихъ агентовъ и сталъ тайно слѣдить за домомъ Агафонова, нѣсколько разъ подходя къ нему въ сумеркахъ со стороны задворка. Какъ ни былъ онъ остороженъ, тѣмъ не менѣе одинъ изъ обывателей селенія, отставной унтеръ-офицеръ Кедринъ видѣлъ, какъ священникъ подкрадывался къ дому Агафонова, оглядываясь по сторонамъ, и долго, затѣмъ, стоялъ вблизи одного изъ оконъ. Наконецъ наступилъ день разрѣшенія отъ бремени, тоже въ вечернее время. Мужъ, какъ обычно у крестьянъ, ушелъ изъ дому на противоположную сторону улицы въ домъ дяди; подлѣ роженицы остались только женщины—старуха-мать и старая же повитуха. Священникъ уже караулилъ въ темныхъ сѣняхъ и когда услышалъ голосъ новорожденнаго младенца, то, выждавъ нѣкоторое время, пока старухи перевязывали ребенку пупокъ, обмыли и положили на подушку въ первой комнатѣ, а сами стали помогать роженицѣ, онъ тихо прокрался въ комнату, положилъ ребенка въ широкій рукавъ своей рясы и незамѣченный женщинами исчезъ изъ дома, направившись къ церкви, конечно, съ цѣлью окрестить его, гдѣ уже сдѣланы были необходимыя для этого приготовленія. Но дядя Агафонова, часто подходившій къ окну въ ожиданіи, когда будетъ знакъ, что молодому мужу можно возвратиться домой, увидѣлъ, что изъ воротъ дома Агафонова вышелъ священникъ и быстрыми шагами пошелъ по улицѣ. Онъ сказалъ объ этомъ племяннику, который забѣжалъ сначала въ свой домъ и, узнавъ, что

ребенка нѣтъ, опрометью бросился за священникомъ. Догнавъ его уже вблизи церкви, онъ схватилъ его за рясу и закричалъ: „отдай ребенка“, но тотъ не отдавалъ и старался освободить рясу, чѣмъ воспользовался Агафоновъ, продвинувъ свою руку въ рукавъ, гдѣ былъ ребенокъ, и успѣлъ схватить его за ножки; священникъ же обѣими руками подхватилъ его подъ подмышки и, въ свою очередь, громко съ бранью кричалъ: „пусти“. Агафоновъ, видя, что дальнѣйшая борьба грозитъ ребенку смертью или увѣчьемъ, нанесъ священнику ударъ „тычкомъ“ въ носъ, настолько сильный, что тотъ, обливаясь кровью, моментально упалъ навзничь, выпустивъ изъ своихъ рукъ младенца. Нѣсколько человекъ изъ сосѣднихъ домовъ, привлеченные криками, выбѣжали на улицу и видѣли всю эту краткую борьбу, а затѣмъ помогли священнику встать и дойти до дома. Агафоновъ же съ ребенкомъ ушелъ назадъ.

Хотя дознаніе было произведено исправникомъ секретно, но показанія свидѣтелей онъ отобралъ письменно съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ назначенія формальнаго слѣдствія свидѣтели будутъ спрошены подъ присягой.

Получивъ такія свѣдѣнія и самое дѣлопроизводство, я отправился къ архіерею Петру, объяснилъ ему истинное положеніе дѣла и затѣмъ заявилъ, что дальнѣйшее направленіе будетъ зависѣть отъ его усмотрѣнія, т.-е. если онъ будетъ настаивать на слѣдствіи, таковое будетъ, конечно, произведено, но если онъ признаетъ за лучшее дѣло прекратить, то я не стану протестовать, съ одной стороны, потому, что священникъ получилъ чувствительный урокъ, а съ другой — неизбежная при производствѣ слѣдствія огласка его поступка, конечно, ничего не прибавила бы къ славіи и достоинству православной церкви, которую я, по долгу службы, обязанъ охранять отъ неблагопріятныхъ нареканій.

Архіерей былъ крайне смущенъ и, какъ бы желая оправдаться, сказалъ, что ничего подобнаго благочинный ему не сообщалъ и происшествіе въ с. Озерномъ онъ, архіерей, объяснялъ себѣ, какъ проявленіе раскольничьяго фанатизма, который въ послѣднее время, видимо, стремится поднять голову и добиться полной безнаказанности за соvrащеніе православныхъ въ расколъ.—Но, конечно, прибавилъ архіерей, возмутительное насиліе священника, въ случаѣ широкой огласки въ газетахъ, сильно повредило бы доброму имени томскаго духовенства, и потому, поблагодаривъ меня за предупрежденіе, онъ просилъ дѣло прекратить.

Понявъ очень хорошо, что это въ мой огородъ архіерей забросилъ словечки, что раскольники „въ послѣднее время“ подняли голову и добиваются безнаказанности за совращеніе православныхъ въ расколъ, я замѣтилъ ему, что за время моего управленія губерніей до моего свѣдѣнія не было доведено ни объ одномъ случаѣ „совращенія“; зато много разъ исправники доносили, что крылатыя словечки, вылетающія изъ духовной консисторіи, въ родѣ: „блудное сожительство, блудница, развратъ“, примѣненные къ супругамъ, повѣнчаннымъ по благословенію стариковъ, подхвачены православнымъ населеніемъ, которое и бросаетъ эти гнусныя оскорбленія раскольникамъ. Блудницами встарину назывались *feminae quae conjugio suo sibi rapem adhiberant*, а не честныя замужнія женщины, которыя ничѣмъ не заслужили такого позорнаго названія. Съ моей точки зрѣнія подобныя слова, дышущія ненавистью и презрѣніемъ, представляютъ несомнѣнно провокацію, могущую вызывать только раздоръ и беспорядки въ смѣшанномъ населеніи, и едва-ли подобныя крылатыя слова приличественны въ устахъ и письменныхъ документахъ духовенства, призваннаго насаждать въ людяхъ любовь и согласіе, а не возбуждать въ нихъ рознь и дурныя страсти. — Архіерей ничего не возразилъ.

На этомъ мы разстались. Впослѣдствіи я узналъ, что чрезъ годъ послѣ моего отъѣзда изъ Томска Петръ былъ уволенъ на покой и поселенъ въ одномъ изъ московскихъ монастырей.

Заканчивая на этомъ повѣствованіе о епархіальномъ пастырѣ и его неприглядной паствѣ, я долженъ сказать, что въ средѣ томскаго духовенства было только два истинныхъ свѣтильника Православія, чуждыхъ меркантильныхъ стремленій, а положившихъ душу на преуспѣяніе и укрѣпленіе въ населеніи чистоты вѣры и нравственности. Это были: бійскій викарный епископъ Владиміръ, впослѣдствіи архіепископъ казанскій, и архимандритъ Акакій.

Первоначально Владиміръ, бакалавръ Кіевской духовной академіи, былъ миссіонеромъ въ юго-восточной горной области Алтая, населенной калмыками-двоеданцами. Въ глубинѣ этой области онъ устроилъ поселокъ, названный „Улала“, гдѣ постепенно соорудилъ церковь, школу и больницу, принесшіе огромную пользу калмыцкому народу. Впослѣдствіи, когда онъ былъ назначенъ викарнымъ епископомъ и переселился въ Бійскъ, гдѣ жители построили для него очень хорошій двухъэтажный домъ, дѣятельность его значительно расшири-

лась, обнимая все православное населеніе южнаго Алтая, которые въ разныхъ селеніяхъ благоговѣнно слушали его вдохновенныя проповѣди-импровизаціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не забывалъ и о калмыкахъ, изъ среды которыхъ выбралъ 11 мальчиковъ, выписалъ живописца-инструктора и сталъ обучать ихъ иконописи. Послѣ отъѣзда преосвященнаго Владиміра въ Казань на должность епархіальнаго начальника, архіерейскій домъ въ Бійскѣ сгорѣлъ, а въ немъ сгорѣла и рисовальная школа.

Архимандритъ Акакій до перевода въ Томскъ былъ начальникомъ нашей духовной миссіи въ Константинополь, и въ Томскъ былъ назначенъ для водворенія порядка въ духовной семинаріи, воспитанники которой своимъ поведеніемъ вызывали неудовольствіе и жалобы жителей. Немного времени понадобилось этому талантливому и въ высокой степени симпатичному человѣку, чтобъ семинарія приняла иной видъ: удаленіе эконома, который держалъ воспитанниковъ впроголодь, и внѣклассныя бесѣды съ воспитанниками по разнообразнымъ вопросамъ психологіи и этики, при его замѣчательномъ дарѣ слова, вызвали въ нихъ искреннюю къ нему любовь и послушаніе. Года чрезъ два онъ былъ возведенъ въ санъ епископа чигиринскаго, второго викарія Кіевской епархіи.

Справедливость требуетъ сказать, что не одно только вѣдомство православнаго исповѣданія сурово и крайне неправоотносилось къ старообрядцамъ; не менѣе жестоко тѣснило ихъ своими циркулярами и вѣдомство внутреннихъ дѣлъ. Въ мое время (начало 80-хъ годовъ) имѣли обязательную силу такіе, напр., циркуляры:

- 1) о воспрещеніи раскольникамъ какого бы то ни было публичнаго оказательства;
- 2) о воспрещеніи устраивать новые молитвенные дома;
- 3) о воспрещеніи ремонтировать какъ капитально, такъ и мелкою починкою существующія молельни и проч.

Если первые два циркуляра могутъ служить яркимъ свидѣтельствомъ неправомѣрнаго отношенія министерства внутреннихъ дѣлъ сравнительно съ отношеніемъ его къ другимъ христіанскимъ и не-христіанскимъ исповѣданіямъ, для коихъ не было запрета ни устраивать, напр., пышныхъ похоронныхъ процессій¹⁾, ни возводить новыхъ костеловъ, кирокъ, мечетей,

¹⁾ Въ похоронной процессіи за гробомъ извѣстнаго желѣзнодорожника Соломона (Шмуилъ) Полякова шель самъ К. П. Побѣдовосенъ.

синагогъ, пагодъ и проч.,—то послѣдній изъ упомянутыхъ циркуляровъ поражаетъ своимъ крайнимъ легкомысліемъ. Казалось бы, такъ просто сообразить, что ветхія деревянныя строенія съ продыравленными крышами (а до такого состоянія доведены были повсемѣстно всѣ раскольничьи молельни) при отсутствіи ремонта должны представлять огромную опасность для людей, которые могутъ въ той или иной молельнѣ находиться во время неизбежнаго рано или поздно обрушенія потолка?—и, сознавъ это, воздержаться отъ созданія такого чудовищнаго акта.

Я говорю это не на основаніи кабинетныхъ соображеній, а на основаніи непосредственнаго наблюденія и личнаго участія къ предупрежденію катастрофы.

Это было въ Бійскомъ округѣ, въ деревнѣ Сорокиной, гдѣ я во время объѣзда предполагалъ отдохнуть часа два. Но только-что я расположился пить чай,* какъ въ мою комнату вошла депутація и послѣ привѣтствія отрекомендовалась: „Мы по старой вѣрѣ и просимъ тебя, ваше превосходительство, отъ всего общества взглянуть на нашъ молитвенный домъ, онъ тутъ недалеко“. Въ этой краткой и несовсѣмъ обыкновенной просьбѣ мнѣ почудилось что-то трагическое и потому безъ всякихъ разспросовъ—зачѣмъ и почему?—я немедленно отправился съ депутатами къ моленному дому. По наружному осмотру домъ оказался длиннымъ почернѣвшимъ строеніемъ, въ родѣ большого сарая, съ продыравленной во многихъ мѣстахъ крышей, сильно-выпученной продольной стѣной и одною широкою дверью. Внутренній видъ представлялъ прямо угрожающее положеніе: одна балка въ томъ концѣ, гдѣ аналой начетчика, совсѣмъ сломалась, ее кой-какъ укрѣпили контрфорсами и веревками, чрезъ потолокъ подтянули на чердакъ къ переводамъ. Прочія балки оказались сильно провисшими, такъ какъ несомнѣнно были тронуты гніеніемъ.

Спрашиваю депутатовъ:—продолжаете тутъ молиться?

— Молимся, больше намъ негдѣ.

— А много ли народа собирается въ молельню?

— Всѣ свои, человѣкъ полтора ста, да съ займокъ (хуторовъ) къ праздникамъ пріѣзжаютъ; всего болѣе двухсотъ человѣкъ бывасть.

— Ну, вотъ что,—сказалъ я имъ,—въ такомъ видѣ домъ оставить нельзя, потолокъ не сегодня—завтра можетъ обрушиться и задавить много людей; нужно немедленно приступить къ ремонту.

Видимо, они только этого и ждали и радостно объявили, что всѣ матеріалы у нихъ приготовлены и 50 рабочихъ сейчасъ примутся за дѣло.

Такъ какъ состояніе зданія, повторяю, было крайне угрожающе, то я рѣшился не уѣзжать, пока работы не будутъ кончены, чтобъ удостовѣриться, что опасности болѣе нѣтъ.

Въ теченіе дня и ночи они успѣли покрыть крышу новымъ тесомъ и, за неимѣніемъ масляной краски, смазали вареной густой смолой съ пескомъ, подъ балки подвели длинный брусъ на прочныхъ стойкахъ, сломанную балку замѣнили новою и наконецъ выпученную стѣну стянули винтами снаружи и внутри жомами (штангами).

Когда на слѣдующій день я собрался уѣзжать, меня пришли проводить многіе сорокинцы, и одинъ изъ нихъ отъ имени общества сказалъ, что они не забудутъ моего благодѣянія и будутъ молиться за мое здоровье.

Узнавъ, что въ раскольничьихъ селеніяхъ есть еще двѣ ветхія молельни, я поручилъ исправнику тщательно осмотрѣть ихъ и въ случаѣ надобности разрѣшить необходимый ремонтъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что я превысилъ предоставленную мнѣ власть, но я предпочелъ подвергнуться отвѣтственности, нежели сознательно допустить грозную катастрофу и потомъ въ глубинѣ совѣсти всю жизнь упрекать себя въ недостаткѣ рѣшимости.

Сообщ. В. Мерцаловъ.